

18+

Эра Волка

Суварова
Анастасия

Анастасия Суворова

Эра Волка

«Издательские решения»

Суворова А. В.

Эра Волка / А. В. Суворова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502579-1

Всегда ли трагические события — это предвестники беды? Сколько правды в таинственных сказаниях? Холодные звезды таят подсказки, но как истолковать их, когда повсюду царствует смерть? Люди обращаются в пепел, оставляя таинственные записки, в которых просят не искать их судей. Неисправимому прагматику и материалисту Денису предстоит найти ответ на главный вопрос: является ли происходящее неким божественным проектом космического масштаба или же это дело рук распоясавшихся сектантов?

ISBN 978-5-00-502579-1

© Суворова А. В.
© Издательские решения

Содержание

Эра Волка	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	44
Глава 9	50
Глава 10	53
Глава 11	56
Глава 12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эра Волка

Анастасия Валерьевна Суворова

Дизайнер обложки Анастасия Валерьевна Суворова

© Анастасия Валерьевна Суворова, 2020

© Анастасия Валерьевна Суворова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-2579-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эра Волка

Пролог

Вот уже несколько часов Слава пробирался по извилистым каменистым тропам и через бурьян. Он порядком заплутал, но старался не думать об этом досадном недоразумении, ведь причина, по которой Слава проявил такую беспечность была и весьма колоритная. Он преследовал странного, загадочного зверя.

Несколько часов назад он пришел сюда чтобы проверить капканы, но на его удивление все ловушки оказались пусты, а лес словно бы вымер – ни шороха в кустах, ни мерного постукивания лишь шелест встревоженных ветром ветвей нарушал тишину, а более ничего. Слава уже было подумал, что уйдет домой ни с чем, но как только эта мысль промелькнула в его голове, меж ветвей олешиника алой вспышкой высверкнули две яркие звезды.

«Хищник, – пронеслась обнадеживающая мысль, – и не маленький!».

Перехватив поудобней ружье, охотник приготовился к тому, что зверина затаившаяся в кустах, кинется на него. Он стоял переминаясь с ноги на ногу и с трудом сдерживал дрожь. Вот ветви раздвинулись и помимо горящих неким потусторонним огнем глаз, он увидел того, кому они принадлежали. Исполинских размеров, с переливающейся даже мерцающей шерстью и пугающе внимательными глазами на Славу смотрел волк альбинос.

За всю свою жизнь он видел не мало диковинных животных, но этот волчара ни шел с ними ни в какое сравнение. Жесткий, сосредоточенный, гипнотизирующий взгляд и странное сияние исходящее будто бы изнутри. Животное прямо-таки светилось неведомым огнем и свет этот притягивал, заставлял смотреть на него не отрываясь.

Волк постоял с минуту, понаблюдал за оцепеневшим охотником, а потом резко повернулся и в два прыжка скрылся из виду.

Почему Слава кинулся за ним вслед, он и сам не знал, но поступить иначе, просто не мог. Несколько часов он рыскал по этой глуши в поисках белого волка, рыскал, не в силах понять тайный смысл этого преследования. И только когда лесные чащи потонули в фиолетовых сумерках, и дорожки стали почти невидимыми, он услышал его вой, пронзительный, загробный, как будто что-то призывающий.

Уже не разбирая дороги Слава кинулся на звук и, наверное, достиг бы поляны, с которой доносился зов в считанные секунды, если бы не чудовищной силы удар сотрясший землю. В этот миг охотнику показалось, что в тело планеты вонзился метеорит. А еще через несколько мгновений мрачный лес озарило нестерпимо ярким светом. Он распространялся волнами, словно хотел затопить все в округе и был обжигающим и прекрасным одновременно. На секунду у наблюдавшего мелькнула мысль, что должно быть, так же прекрасен и ядерный взрыв, поднимающийся в небо смертельным облаком. И тут он снова услышал крик и был он уже не волочим, а человеческим.

Человек кричал, а сила света возросла многократно, хотя казалось такого быть не может никак и ни при каких обстоятельствах. Такое свечение, должно было выжечь все в округе. Но то, что происходило в лесу было необъяснимым, попирающим все существующие законы физики, потому как разрушения были несоизмеримо малы. Выгорела лишь центральная часть поляны, да несколько деревьев вырвало с корнем, повалив в мягкий мох.

Одним из этих деревьев Славу придавило к земле. Он отчаянно пытался выбраться и не потерять самообладания. Мысли его голове побежали вереницами, спутанные и совершенно несуразные.

Был ли этот свет живым, и что творилось на поляне Слава не знал, он, вообще, мало смог разглядеть, потому как ударная волна отшвырнула его на несколько метров от театра действий.

Не без труда высвободившись из-под выкорчеванной осины и преодолевая боль, он поднялся на ноги и огляделся. Свет затух, будто его и не было, лишь слабое подрагивание земли

напоминало о случившемся, да мерцающая в воздухе серебряная пыль. С минуту помедлив Слава вышел из круга высоких деревьев и замер на краю поляны. Там в самой ее сердцевине, на месте где несколько минут назад призывал своих волчьих Богов страшный зверь, стоял теперь дрожащий и источающий серебряное сияние человек.

Глава 1

Денис ждал Катерину на окраине северной части города, неподалёку от залива где находилось место ее работы. Маленький особнячок начала двадцатого века обнесенный металлическим забором и охраняемый типичным слугой порядка в черной униформе.

Вот уже три месяца он встречал ее здесь каждую пятницу. Катерина не скрывала, что работает в этом здании, но кем именно держала в тайне. Поначалу он не приставал к ней с вопросами, но потом эта таинственность стала казаться ему неуместной.

Выяснить, что за деятельность велась в учреждении, где трудилась его девушка, для Дениса проблемой не было. В Старинном особняке располагалась мини-лабораторию, что принадлежала частной фармацевтической компании, занимающейся изготовлением БАДов.

Зачем покупать под такие нужды полуразвалившийся особняк и реставрировать его, Денис не знал. Но, видимо, были у этой компании причины замаскировать лабораторию под обычный, дом. Место на нижней трассе, что тянулась вдоль финского залива было тихое. Из ближайших соседей лишь зажиточные горожане, что могли позволить себе укупить землю в этом недешёвом районе или счастливые наследники таких же старинных особняков, но в более плачевном состоянии.

Денис стоял в тени вяза, на узкой подъездной дороге, что вела к воротам и ждал. Сзади его подпирал пролесок, впереди виднелось маленькое оконце будки охранника, откуда вырывались всполохи синего и белого света – охранник смотрел телевизор.

Сегодня Денис приехал чуть раньше обычного и служащие еще не начали покидать свои посты. Металлические ворота забора, скрывающего парадный вход, хранили тишину. Но вот, лязгнув засов, послышался скрежет полозьев и на мгновенье Денис увидел узкую полоску света от прожектора во внутреннем дворе.

В этом ярком прямоугольнике он надеялся разглядеть ее лицо, бледное, обрамленное темным ореолом пушистых, всегда распущенных волос. Денис уже представлял, как она завидев его, смущенно улыбнется, опустит густые, непомерно длинные ресницы и кокетливо поведет плечами. С тех пор, как они познакомились, она проделывала этот обязательный ритуал при каждой их встрече, трогая его своей причудой.

Яркий свет, брызнувший из недр таинственного особняка на миг ослепил Дениса, в проеме показался силуэт, и парень непроизвольно сжал бархатную коробочку, что держал в руке. Долговязая, дерганная женщина вышедшая на дорожку не имел никакого сходства с его Катериной. Денис зашел за вяз, не желая мелькать перед Катинными коллегами и, погладив бархатную поверхность коробка, принялся терпеливо ждать.

Прошло с полчаса, почти все сотрудники лаборатории уже покинули особняк, а Катерины все не было. Денис набрал ее номер. Пошли гудки, но трубку Катя не сняла. Это не было странностью, потому что во время работы она вообще редко подходила к телефону.

Ожидания Дениса тяготили. Он достал сигареты, закурил и принялся мерить узкую дорожку вдоль и поперек, пока не привлек внимание охранника. Тот подозвал его размашистым жестом, и Денису ничего не оставалось как подойти.

– Ты чё тут трёшься? – с вызовом спросил он.

– Девушку жду, – нехотя ответил Денис.

– Катерину Александровну? – ухмыльнулся он.

– Катерину Александровну, – подтвердил Денис, отметив, что охранник назвал его девушку по имени отчеству, а это означало, что она здесь далеко не последний человек.

– Я тебя помню, ты здесь уже не первый месяц трёшься.

– Это возбраняется? – холодно поинтересовался Денис, которого раздражала хамоватость работника охраны.

– Да не, то что происходит за стенами конторы меня не касается. Но все-таки странно, что ты сегодня пришел.

– Почему странно? – удивился Денис.

Охранник смерил его недоверчивым взглядом помутневших глаз, пожевал нижнюю губу, словно раздумывая стоит ли откровенничать со случайным человеком, но потом все же сказал:

– Не появлялась она здесь с прошлой пятницы.

– То есть не появлялась? В отпуске что ли?

– А мне почём знать? – буркнул охранник.

– Производство-то без нее не встало? – шутя спросил Денис, надеясь, что охранник ненароком выболтает ему что-нибудь ценное. Но тот лишь прищурил свои белесые, пороссячи глазки, да схмурил брови.

– Шел бы ты, парень, по своим делам, а-а, – угрожающе протянул он, привставая со стула.

Этот предупреждающий жест Дениса ничуть не напряг, но и лезть на рожон нужды не было. Если Катя в особняке не появлялась, а охранник больше сказанного не поведает, то и ему здесь делать нечего.

Он молча кивнул, напрягшемуся блюстителю порядка и развернувшись на каблуках пошел прочь.

Усевшись в машину, он швырнул в лобовое стекло бархатную коробочку. Та мягко ударилась, раскрылась и на торпеду выпала связка ключей – маленьких железных пластинок, открывающих двери его квартиры.

Денис не был сторонником зефирных нежностей и клишированных признаний в своих чувствах. И все же последнюю неделю он готовился к сегодняшнему дню. Представлял, как протянет Кате маленькую черную коробочку, как она ее откроет...

Согласится ли она съехаться с ним? Поменяет ли свою мрачную обитель в старом фонде, на его однокомнатную берлогу с низкими потолками? Не станет ли этот шаг началом конца в их не простых, порой загадочных, но отнюдь нетривиальных отношениях? Эти вопросы мучали Дениса долгие семь дней. И каков ответ!

Катерина всегда была скрытной, немногословной, но не лживой. Так почему же за всю неделю, что они переписывались и созванивались, он так и не узнал, что она не ходит больше в особняк на заливе? Почему она не отменила сегодняшнюю встречу, если знала, что не придет? А знала ли?

Денис еще раз набрал Катин номер. Раздались длинные гудки, отдающие в его голове тревожным набатом, а потом их сменила равнодушная тишина. Катя не отвечала.

Она и раньше пропадала на день другой. Но так чтобы не явиться на встречу или забыть предупредить о том, что та не состоится...

Была ли это безалаберность или с его девушкой что-то случилось, Денис не знал, поэтому не раздумывая более ни минуты, он завел мотор и выжав сцепление, стал активно давить на педаль газа, обгоняя несущиеся в сторону города машины. Уже через четверть часа он заехал на ЗСД, а еще через тридцать минут подкатил к дому Катерины на Ваське.

Три больших окна на четвертом этаже были наглухо задернуты шторами, за ними чернел мрак. Денис постоял с минуту, надеясь разглядеть хотя бы слабый отсвет от телевизора или прикроватной лампы. Затем он еще раз набрал заветный номер, подумав, что сумеет разглядеть в окне голубоватые сигналы мигающего телефона, который Катя почти всегда держала на подоконнике.

Пошли длинные гудки, а потом резко прервались – Катя сбросила его звонок. Но Денис увидел то, чего хотел – короткую голубую вспышку в окне спальни. Она была дома!

Не зная, что и думать, Денис решил подняться на этаж. Обошел кругом здание, остановился у парадной и на мгновение замешкался. Прямо у дверей, на тротуаре лежал огромный белый пес, больше похожий на волка нежели на собаку. Животное подняло на Дениса сосредото-

точенные, красные как фонари глазища и словно просканировав его, лениво поднялось, уступая дорогу.

От пронизывающего, красного взгляда пса Денису сделалось не по себе, внутри что-то судорожно сжалось и похолодело. Он торопливо набрал номер кодового замка и поспешил укрыться за тяжелой, железной дверью парадной. Там обливаясь потом, он взбежал на четвертый этаж и принялся жать на кнопку звонка, потом барабанить в дверь, пока на лестничную клетку не вышла Катина соседка, ужасающего вида женщина, которую можно было бы снимать в роли ведьмы не тратя времени на грим.

– Чего стучишь? – возмутилась она. – Мертвых подымишь!

– В каком смысле мертвых? – не понял Денис. – Я вообще-то к живым пришел.

– Не откроет она тебе, не стучи.

– Почему не откроет?

– Просто не откроет и все тут, – уверенно заявила соседка.

– Вы простите, это так, предполагаете или наверняка знаете, – не без сарказма поинтересовался Денис.

– Знаю наверняка, – уверила женщина.

– Тогда скажите, причину по которой Катя заперлась и не выходит на связь, – все тем же тоном продолжал Денис.

– Причину сказать не могу. Иди, сынок, домой, отдохни и ни о чем не думай, а завтра вечером приходи. Завтра может и откроет.

– Да, что происходит-то?! – возмутился Денис.

– Не беленись, не беленись, касатик, – попыталась усмирить его соседка, но Денис уже всерьез начинал выходить из себя.

Прежде он не позволил бы себе скатиться до столь унижительного поведения и не стал бы устраивать сцен, да еще прилюдно. Но он был влюблен и сильно, к тому же впервые в жизни.

– Катя, открой! – кричал он, барабанил в дверь. – Если ты меня видеть больше не хочешь, так и скажи. Что не можешь?! Да объясни ты, что происходит, Катя, – уже не кричал, а скорее просил отчаявшийся Денис.

А страшная женщина тем временем стояла в своих дверях и не отрываясь смотрела на влюбленного парня, что вконец потерял голову.

Денис стучал и звонил, звал Катю по имени, пока во дворе-колодце, куда выходило разбитое окно лестничной площадки, не послышался леденящий душу, зловещий вой.

Денис метнулся к окну, посмотрел вниз и тут же отпрянул. Прямо на него смотрел тот самый белый пёс, что караулил вход в парадную. Смотрел пристально, изучающе.

Не ведая природу страха, что завладел всем его существом, парень сбежал вниз и выскочив на тротуар, припустил к своей машине, постоянно оглядываясь. Он боялся увидеть краем глаза белое пятно, готовое метнуться в его сторону, но пса не было рядом. Только когда он завел двигатель, и включил передачу, перед капотом его машины сверкнули две красные точки.

От неожиданности он даванул на газ. Машина резко сорвалась с места, но удара, который должен был быть, не последовало. В зеркало заднего вида Денис увидел все того же белого пса, целого и невредимого с интересом провожающего взглядом его удаляющуюся машину.

– Чертовщина какая-то, – буркнул Денис, стараясь унять дрожь.

Глава 2

Денис не верил в существование Высших Сил, направляющих человека на его жизненном пути. По правде сказать, он и о самом пути-то не особо задумывался. Единственное, во что Денис верил и верил безоговорочно – это в самого себя. Ну может, еще в причинно-следственных связях и законе бумеранга ему сомневаться не приходилось, но вот разного рода мистику, под которой он подразумевал всё, что не могло быть препарировано острым скальпелем научного подхода, Денис воспринимал как спасательный круг для слабых духом. А поскольку себя он к таковым не относил, то и в сверхъестественной обманке не нуждался.

Как закоренелому атеисту, ему не приходилось ждать помощи, поддержки или хотя бы утешения в черной, истыканной равнодушными звездами пустоте. И все же он предпочитал груз мрачного одиночества самообману.

Бывали, правда, минуты, когда ему хотелось обрести веру. Денис видел, как она умножает силы людей, но также он наблюдал и обратную сторону – их нежелание вырастать. Он считал, что в большинстве своём люди просто хотят оставаться детьми, у которых есть всемогущий поводырь – тот, на кого можно переложить ответственность за свою жизнь.

И вот сегодня настал тот день, когда Денис вновь поддался искушению, дал слабинку, пожелав затаиться под крылом сильного защитника, того, кто уберезет его от необъяснимого кошмара, с которым он столкнулся. А виною всему была треклятущая псина.

Добравшись до дому и запиревшись на все замки, Денис пытался реконструировать в своей голове детали последней встречи с жутким во всех отношениях животным. Во-первых, его взгляд: собаки так не смотрят, даже если они дрессированные и довольно смыслёные. У пса было такое выражение, словно он своим инфракрасным взглядом способен считать все твои мысли, чувства и даже самые потаенные, тебе самому неведомые порывы души. Во-вторых, скорость его реакций: когда Денис бежал по улице, вой пса доносился со двора-колодца и он никак не мог выйти оттуда, обогнуть дом, и оказаться перед капотом его машины так быстро, да еще оставшись незамеченным.

Про то, что пес чудом остался жив, когда машина Дениса тронулась, думать вообще не хотелось. Парень совершенно точно видел перед собой два сверкающих во тьме глаза, когда давил на педаль. Он смотрел прямо в них не отрываясь, а потом миг и они пропали, а пес как стоял посреди дороги так и остался там стоять, только уже позади машины, а не впереди!

Всю свою жизнь Денис верил лишь тому, что видел собственными глазами и пока они его не подводили – он видел только то, что мог разъяснить его острый, прагматичный ум. Но как быть с сегодняшним происшествием он не знал. Верить своим глазам или сослаться на излишнюю перевозбуждённость?

Пожалуй, второй вариант более приемлемый, тем более что волноваться было из-за чего.

До встречи с Катей Дениса мало занимали любовные приключения. Его голова всегда была занята различными изысканиями, теориями, открытиями, да чем угодно, только не женщинами.

Ясно-синие глаза с прищуром и тёмные, слегка вьющиеся волосы обеспечивали ему то количество женского внимания к своей персоне, которое он мог выдержать. Любые же попытки склонить жадного до свободы молодого человека к постоянной близости, претерпевали неудачу.

Но Катя, таинственная, вечно ускользающая, прекрасная собой сумела взволновать его сердце. Она обладала невероятной весенней красотой и легким смешливым нравом. Всегда воздушная, ароматная и ласковая, она пробуждала в нём чувства не испытываемые прежде ни к одной девушке. Впервые в жизни Денис увлекся, увлекся настолько, что позабыл о своих

холостяцких привычках. А она не явилась на встречу и не открыла дверей, даже не соизволила объяснить в чем причина!

Соседка эта еще, зачем она только вышла? С другой стороны, Денис теперь знает, что Катя жива, здорова, просто его от чего-то видеть не желает.

Что-ж утро вечера мудренее, решил он, памятуя о том, что соседка посоветовала придти завтра. Попытавшись привести расшатавшиеся нервы в порядок, Денис пообещал себе, что вынет из странной женщины все, что той известно, если Катя и завтра ему не откроет.

Не расстелив кровати, он повалился прямо на покрывало, растянулся, скинув ботинки и попытался заснуть.

Видел ли Денис сон в тот момент, когда перед ним вновь предстали гранатовые глазища белого пса, или же путешествовал по неведомым ему параллельным Вселенным, осталось тайной. Но события этого страшного видения стали предвестниками истории, в которой Денису суждено было сыграть очень важную роль.

Было раннее утро. Он стоял подле распахнутого настежь окна своей спальни и смотрел вдаль широко раскрытыми, немигающими глазами. Над крышами низеньких хрущёвок занималось утро. Солнце облизывало обшарпанные крыши своим пламенеющим языком, золотая радостным светом нарождающийся день. Но Денис этого не видел. Перед внутренним взором молодого человека разворачивалась совсем иная картина – хищная, полная сумрачных красок и недобрых предчувствий.

В монохромной, дымчатой реальности, которой его угораздило оказаться происходило некое таинство. Изящным силуэтом белел на фоне угольной черноты женский стан. Он колыхался словно свеча на ветру, то таял, то становился чётче, и было в этом подраживании что-то пугающее, неестественное, словно тьма сгущающаяся вокруг девушки, старалась поглотить ее всю без остатка, а та сопротивлялась этому изо всех сил.

Но вот рядом с трепыхающейся девой возник еще один силуэт, и Денис непроизвольно дернулся, хоть и был всего лишь свидетелем, а не участником этой сцены. Светлым облаком всплыл этот персонаж в черно-белую картину, добавляя ей цвета – цвета напоминающего кровь. А потом девичий силуэт задрожал еще сильнее, заметался по черному необъятному пространству, будто чего-то испугался. Тогда—то две кроваво-красные точки сверкнули словно звезды и огромный силуэт белого пса накрыл собою тонкую, беспокойную фигуру девушки. В этот момент весь мокрый от ледяного пота Денис открыл глаза, осознав, что стоит посреди комнаты, обдуваемый осенним ветром.

Трясущимися руками он закрыл створки, пытаюсь понять когда именно отворил их и почему не в постели, а посреди комнаты? Затем прошёл на кухню, отыскал сигареты и жадно закурил.

Первое о чем он подумал, когда бешено колотящееся сердце слегка унялось – о звонке Кате. Он хотел услышать ее тихий, чуть хрипловатый голос, убедиться, что с ней всё в порядке, но на часах было пять утра.

А потом он вспомнил вчерашний вечер и его захлестнула волна стыда.

– Идиот, – ругал он самого себя, – как можно было так унизиться?!

Самобичевания длились не долго, стыд сменился обидой. Денис многое прощал Катерине, но ее вчерашняя выходка не имела оправданий. Его уязвленное самолюбие не просто задела, а извальяли в грязи самым что ни на есть пошлым образом.

Чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о возлюбленной, Денис попытался возродить в памяти вчерашнюю встречу в псом и сегодняшний сон. В абсолютной, звенящей тишине и кромешной темени он просидел несколько часов. Он безостановочно курил и думал о том, что в его жизнь просочилось нечто странное, прежде никогда не проникавшее за границы стройного, четко выверенного им мира. Это был суеверный ужас. Густой, жирный, обволакивающий его ужас, словно пеленал сознание, сковывал и разрушал прежние догмы, по которым

Денис благополучно жил двадцать пять лет. Этот страх не был его собственным, он являлся чужеродным вторженцем, оккупантом, разрушителем и рождался он даже не в душе самого Дениса. Это было нечто общечеловеческое, коллективное.

Из оцепенения его вывел будильник, бодро извещавший о начале рабочего дня. Денис встал, машинально направился в спальню и, вырубив звук, повалился на кровать, ощутив невероятную усталость, накатившую как стремительно сошедшая с горы лавина.

Глава 3

Он сладко спал, без снов и тревог, словно его выключили и, наверное, проспал бы весь день, не зазвони под подушкой телефон.

– Алё, – прохрипел он, уткнувшись щекой в дисплей.

– Эй, Бойцов, – раздался в трубке раздражённый голос главного редактора, – где тебя черти носят?!

– Работаю, Игорь Аристархович, – нагло соврал Денис.

– Если ты работаешь, то почему я узнаю о последних происшествиях из теленовостей?! Все СМИ уже судачат о таинственном происшествии в доме генеральши, а я опять ни сном, ни духом! Завтра утром я сдаю номер в печать. Если через три часа на моем столе не будет статьи, – прогавкал начальник, – вылетишь с работы.

– Будет, будет, – увещевал Денис, вскакивая с постели и натягивая джинсы. – Дом генеральши, дом генеральши... – повторял он пытаясь вспомнить где именно слышал это народное название.

Память не подкинула ни одной подсказки. Тогда он решил прогуглить этот вопрос. Но на его беду начавшийся день был первым в месяце, а это означало, что интернет как в телефоне, так в квартире отключен. Денис врубил компьютер, намереваясь взять отсрочку платежа, но его моноблок решил провести системное обновление именно в этот неподходящий час, а брать обещанный платеж у своего негуманного оператора, он уже давно зарекся, так как тот каждый раз умудрялся подключить какие-то нелепые опции, пожирающие весь бюджет.

Делать было нечего, оставалось тащиться на Наличную к банкомату, иначе Игорь Аристархович его и правда когда-нибудь уволит.

Работа у Дениса была не ахти: небольшая колонка в третьесортной еженедельной газетенке. Но свободолюбивого парня она вполне устраивала – отнимала немного времени от прочих радостей жизни, на которые, правда, приходилось зарабатывать переводами и прочей писаниной.

Накинув куртку и наскоро зашнуровав ботинки, он выскочил из дому и дворами прошел к банкомату, купив по дороге кофе в пекарне. Как только он уладил все финансовые вопросы с оператором, сразу же полез в интернет, чтобы разузнать, что за напасть приключилась с генеральским домом, и почему главный редактор спустил всех собак именно на него.

Сначала страница долго не грузилась, но как только Денис увидел первую полосу новостей, то тут же поперхнулся свежесваренным кофе. Во весь дисплей его новомодного телефона, красовался Катин дом, огороженный красно-белой лентой. Рядом с ее парадной стояли машины скорой, МЧС, ППС и пожарной.

Стало ясно недовольство начальника – от пресловутого дома Денис жил в 10 минутах езды. И, конечно, главный редактор был уверен, что его подчиненный в курсе утреннего происшествия.

Нетвердой рукой Денис набрал Катин номер. Электронная барышня сообщила ему, что Катерина вне зоны действия сети. Решив, не нагнетать обстановку, Денис убедил себя, что она просто-напросто так и не включила телефон после его вчерашнего прихода, и пулей кинулся к машине, бросая стакан с недопитым кофе в ближайшую урну.

Стоило ему сесть в автомобиль и завести его, как утробное рычание мотора воскресило в душе утренние фантомные страхи. Денису сделалось не по себе, он впал в некую прострацию и даже не заметил, как выехал на проезжую часть, и повернул вправо, игнорируя красный свет и нервный сигнал клаксонов.

Всю дорогу он как заведенный набирал и набирал Катин номер, надеясь, что случится чудо, и она вдруг возьмет да и снимет трубку. Но этого не произошло. Тогда он принял

названивать своему единственному другу – Родиону Маслову, что служил водителем в шестидесятом отделении полиции и был в своем отделе на особом счету; знал больше прочих водил и был вхож туда, куда их обычно не пускают. Но Родик, тоже не брал трубку, что было уж совсем странно.

Подъехав к 12 линии, он увидел, что дом все еще отцеплен. Повсюду ходили люди в форме. Журналисты обступили ограждения, в надежде, что удастся поживиться новостями. Машины разных ведомств сменяли одна другую, служащие, проходили за ограждения уверенными, бодрыми шагами, скрывались за дверью нашумевшего дома, а через какое-то время выходили, подавленные и озадаченные. Одного немолодого, но на вид еще крепкого оперативника, вывели под руки и усадили в подъехавшую скорую.

Развинченный вид этого бывалого мужчины окончательно сломил Дениса.

– Что же там, мать вашу, происходит, если славные работники доблестной полиции не выдерживают? – бормотал он, курсируя подле ограждений.

Журналистов как он уже понял, за ограду не пускали, сведений никаких не сообщали, и вообще грозились применить силу, если те будут проявлять излишнее рвение.

Назревал скандал.

В надежде разжиться информацией у очевидцев случившегося, Денис поискал глазами жильцов дома, но их, судя по всему, куда-то попрятали.

Родик по-прежнему не брал трубку. Тогда он обошел дом, чтобы заглянуть в Катины окна. Но как только его взору предстали три зияющие чернотой дырищи, обрамленные остроконечными стеклянными осколками у него вконец сдали нервы. Он кинулся к парадной и попытался пробиться в дом. Два крепких человека в форме, перегородили ему путь.

– Это квартира моей девушки, – кричал он, – я должен знать, что там произошло, должен!

– О тебе доложат, и пригласят, – пообещали они, – жди.

Но ждать Денис не мог, его лихорадило, требовались какие-то действия, не важно какие лишь бы они могли развеять эту убийственную неопределенность.

Поняв, что здесь ему в ближайшее время ничего не разузнать, он сел в машину и понесся в шестидесятку, надеясь застать там Родиона.

В отделении полиции творилось что-то невыносимое – привычная неспешность, и даже некоторая вальяжность, сотрудников, сменилась рассеивающимся, словно газовое облако, возбуждением. Служители порядка бегали из кабинета в кабинет, неся в устах какую-то волнительную весть и кипы распечаток. Вся шестидесятка наполнилась звуками открывающихся и закрывающихся дверей, шепотками и короткими, полными беспокойства возгласами.

Краем глаза Денис заметил уходящую Лизавету Петровну, несменную уборщицу шестидесятого отделения. Сердобольная тётушка знала его ещё студентом и всегда была к нему благосклонна.

– Здравствуйте, Лизавета Петровна, вы Родика не видели?

– Нет, Динечка, не видала.

– А о происшествии на 12 линии, что-то знаете? – с надеждой спросил он.

– Ну, что ты Динечка, разве ж нам чего рассказывают? Серьезное чей-то, видать, приключилось, с самого утра бегают. – Потом понизив голос, все же добавила, – но слух у меня, слава богу, все еще острый, – заговорщически пробормотала он, – не только работники а уж и вся Васька об этом происшествии трещит.

– Что трещит-то? – нетерпеливо спросил Денис.

– Судачат, будто бы в доме генеральши дикая чертовщина приключилась. Жильцы утром слышали странный шум, словно ветер завывает, а потом дом задрожал, да не просто задрожал, а ходуном заходил. В общем, они решили, что это землетрясение, и на улицу все повыскакивали. Только никакое это не землетрясение было, потому как акромя дома ничё больше

не тряслось. А потом в окнах на верхнем этаже свет белый вспыхнул, да такой яркий, что всех, кто на него смотрел, ослепило.

– А дом?

– А дом, как свет погас, трясись и перестал.

Лизавета Петровна говорила что-то еще, но Дениса отвлек звонок Родиона.

– Диня, – загробным голосом позвал его друг, – ты уже знаешь?

– Знаю, не тяни!

– Меня за тобой послали. Ты где сейчас.

– В шестидесятке. Что с Катей?

– Все очень неоднозначно, ты должен сам это увидеть. Вениаминыч хочет задать тебе вопросы, – будто бы извиняясь проговорил Родик.

– Он сегодня дежурный?

– Да, не повезло старику. На пенсию уже собирался, а тут такое...

Дослушивать Денис не стал, кинул телефон в карман, даже не удосужившись прервать звонок, и со всех ног побежал к машине.

Катерине уже не звонил, просто летел обратно к ее дому на всех парах. Около парадной обнаружил служебную машину Родика, но его в ней не оказалось. Видимо, его друг, по своему обыкновению, потащился на место происшествия. Не любил он в машине отсиживаться, если этого не предписывала строгая инструкция, а следователи были не против. Родион хоть и был ярким представителем высокопримативной части населения, но отличался странной наблюдательностью, такое иногда замечал, на что обычный человек и внимания не обратит. Вот начальство и закрывало глаза на предписания, пользуясь талантом Родиона Маслова.

Здоровяки в форме вновь, попытались его задержать, и Денис уже готов был вырубить одного из них апперкотом, но вовремя подоспел Родион, вышедший из парадной.

– Э-э, парни, тих, тихо, без нервов, – обратился он ко всем сразу. – Его ждет Павел Вениаминович.

После этой кодовой фразы Дениса пропустили, и Родион повел его на четвертый этаж.

– Родя, что здесь произошло? Где Катя, она жива? – сыпал он вопросами.

– Ничего не знаю, друг, ничего, – отвечал ему Родик, – сейчас сам все увидишь.

Три этажа, которые нужно было преодолеть, чтобы попасть в Катину квартиру, показались Денису бесконечными. Сердце его бешено колотилось, разгоняя вскипающий в крови адреналин. Его словно бы распирало изнутри и в то же время сковывало, придавливало, угнетало. За короткое время, что он бежал по ступеням, у него перед глазами пронеслось с десятков вариаций происходящего, ода хуже другой. Но увиденное позже ни шло ни в какое сравнение с фантазиями журналиста.

– Вот это надень, – угрюмо проговорил Родион, останавливаясь у Катиной двери и протягивая Денису защитную маску.

– Зачем?

– Не спрашивай, просто надевай и все, – ответил друг, натягивая такую же на свое лицо. Денис не стал спорить и проделал то, о чём его просили.

Он вошел в квартиру вслед за Родиком, и его тут же окутал тот самый страх, что терзал утром, после кошмарного сновидения. Густой и навязчивый, он словно вытеснял воздух из помещения. По мере продвижения по коридору дышать становилось всё трудней. Все пространство квартиры наполнилось ещё чем-то помимо давящего неведомого чувства, но оно было вполне осязаемым: тысячи крупинки серебристой пылицы парили, словно в невесомости, сверкая и переливаясь. Денис зажал одну из них меж пальцев и ощутил тепло.

– Ты что?! – воскликнул Родик, ударяя его по рукам. – Первый раз на месте происшествия? Забыл, что мы не лапаем руками чёрти что?

Денис вытер посеребрённые пальцы о карман куртки, поймав осуждающий взгляд друга, и подошел к Катиной спальне, где ещё оставалась команда следователя: криминалисты и судмедэксперт.

Родион тихонько кашлянул, чтобы привлечь внимание дежурного, но тот был занят беседой со своей командой и не услышал позывного.

– Извини, меня ждут внизу, я должен еще ребят в больничку отвезти, – шепнул Родион другу и вышел, а тот остался ждать в темном коридоре и слушать.

Картина выходила какая-то сюрреалистичная – трое мужчин в масках, ходят по комнате, в которой витает серебряная пыльца, и обсуждают особенности дела, обсуждают так, словно оно ничем не отличается от тривиальной бытовухи.

– Как я по-вашему должен установить причину взрыва, если его, скорее всего, не было? – спрашивал криминалист. – Утечки газа не обнаружено, да и характерных следов не наблюдается. Нет, нет тут что-то другое.

– Но окна же чем-то выбило и вот опять же пол обгорел, – отвечал следователь. – Не думаешь же ты что это Демиурги нашей галактики в баскетбол шаровыми молниями играли?

– Версия, конечно, весьма сомнительная, особенно если взять во внимание, что опадание трехочковое, но я бы ее пока не стал отмечать, – без тени иронии посоветовал криминалист.

– Ладно, что по останкам и прочим следам? – обратился Павел Вениаминович к судмедэксперту.

Как только Денис услышал слово «останки», ему показалось, будто с десять удавов окольцевали все его тело. Ужас охвативший его был настолько велик, что обездвиживал. Он просто стоял как вкопанный, стоял прислонившись к стене в коридоре и слушал, не в силах пошевелиться.

– Трассологический анализ делать бессмысленно, и все же мы проверим все следы, хотя я уверен, они принадлежат хозяйке. Что касается этого шедевра, – судмедэксперт поморщился, указывая в центр комнаты, на нечто скрытое от Дениса спинкой перевернутой кровати. – Вы же понимаете, превратить человека в пепел мгновенно невозможно. Ну, если это конечно не прицельная шаровая молния, – добавил он, – ухмыльнувшись. – Теоритически пепел мог быть взят из крематория. Но это лишь догадки. В настоящее время разработан метод амплификации, позволяющий проводить генотипоскопические исследования очень малых частиц разрушенных молекул ДНК.

– То есть того количества костных тканей, что у нас есть может хватить для идентификации личности?

– Совершенно верно. Но технология пока довольно сырая.

– Проводите анализ, – велел следователь.

– Обязательно проведем. Но что-то мне подсказывает, что мы не на то обращаем внимание.

– Мы работаем по четко выверенной схеме, как всегда.

– Да, да, все формальности будут соблюдены. Но вам не кажется, что вся эта галиматья с художеством этим вот, – судмедэксперт, опять ткнул пальцем в пол, – и с прочей показухой, какая-то уж больно вычурная?

– Не спорю, но умозаключения – это моя работа и поверь они у меня уже кое какие имеются.

– Не поделитесь? – подал, наконец-то, голос Денис, шагнув в комнату пропахшую гарью.

– Тебя папа в детстве не учил, Денис, что подслушивать не хорошо? – поднял бровь Павел Вениаминович и неодобрительно взглянул на вошедшего.

– Вы же знаете, что мой отец, как и я был журналистом. Подслушивать – наша работа, – пытался держаться Денис, но голос его предательски дрожал. – Могу я знать, что здесь произошло? Она была моей девушкой.

– Честно говоря, я думал, это ты прольешь немного света на всю эту декадентскую историю, – смягчаясь проговорил следователь.

– С чего вы взяли?

– Соседка показала, что ты приходил вчера к Катерине Александровне.

– Тогда она должна была сказать, что Катя меня не пустила, и я ушёл.

– Так уж прям и ушел? Не похоже на тебя.

– А что я по-вашему должен был дверь выломать? У меня, в конце концов, самоуважение есть.

– А с самообладанием у тебя как?

– Пока не подводило, – сдавлено проговорил Денис, чувствуя, что момент когда это случится не за горами.

– Ну тогда взгляни вот сюда, – подозвал его следователь к себе.

Эксперты отошли в сторону пропуская Дениса в центр большой просторной комнаты, где царил страшный разгром, и он увидел то, что заставило его сердце на миг остановиться.

В комнате и без того ощущение страха витавшего в квартире усиливалось, оно становилось здесь почти осязаемым. Дениса словно сгибала невидимая рука, он горбился, не в силах противостоять этому потустороннему давлению. Но в оцепенение его ввели не метафизические силы, а вполне реальный, совершенный, идеально копирующий хозяйку квартиры рисунок, сделанный пеплом.

Денис содрогнулся, взглянув на страшное изображение. Оно было слегка выпуклым и настолько реалистичным, что ему показалось, что это и есть сама Катя. Кто-то явно сумасшедший изобразил её с раскинутыми руками и разметавшимися в разные стороны волосами, а затем раскидал немногочисленные вещи вокруг, словно их снесло порывом сильнейшего ветра.

Картина выходила жуткой, но сами мотивы и невероятная изощрённая изобретательность преступника страшили ещё больше. Кому понадобилось творить такое в доме его любимой? Чем могла Катя навлечь на себя этакую напасть, и где она сама?

Денис присел на корточки, и внимательно рассмотрел пепел. В близи оказалось, что он не однороден, где-то ткани выгорели до белого порошка, но местами попадались остатки чего-то плотного, похожего на кости. Все крупные фрагменты эксперты уже собрали, и на их месте зияли просветы, в которых наблюдалась одна примечательная и весьма странная деталь – паркетный пол под пепельным рисунком, прогорел.

От изучения страшной картины Дениса отвлекли эксперты.

– Паш, мы тут все уже раз пятьсот проверили, материала больше чем собрали вряд ли найдем.

– Да идите, жду результатов.

Эксперты удалились, а Павел Вениаминович, приблизился к Денису, по отечески положил ему руку на плече и спросил:

– Денис, где ты был с девяти вечера до пяти утра?

– В районе девяти был здесь, вы же знаете, а потом домой поехал.

– Подтвердить кто-нибудь может?

– Если только соседка с первого этажа, она видела, как я машину парковал.

– Вчера вечером?

– Да.

– Ты пойми Денис, дело довольно странное, и даже памятуя дружбу с твоим отцом, я вынужден буду задавать тебе неудобные вопросы.

– Понял уже, – буркнул Денис, убирая руку следователя. – Где Катя?

– А вот это большой вопрос. Возможно здесь, – он указал на ее портрет. – Но это предположение из разряда фантастики, хотя в нашем деле не следует исключать даже самые неверо-

ятные версии. А возможно где-то скрывается или похищена, вариантов тьма, ты и сам не хуже меня знаешь. Криминальные новости – это ведь твой профиль?

– Ну мой, и что?! — кривясь ответил Денис.

– Я дам тебе прочесть кое-что, но обещай, что эта информация не выйдет за пределы комнаты, – проговорил следователь, протягивая тетрадный листок в клетку, исписанный аккуратным Катиным почерком.

– Обещаю, – заверил Денис, в нетерпении выдергивая лист.

«Если вы читаете это письмо, значит, меня уже нет. Во всём случившемся виню только себя. Настоятельно прошу не проводить никаких расследований, ибо призывать к ответу моих судий у вас нет прав, равно как и возможностей. Так же прошу не доискиваться причин, по которым я совершила поступок, обрекший меня на смерть» – гласила записка.

– Вы хотите сказать, она мертва?! – чуть слышно прошептал Денис.

– Утверждать я пока ничего не могу. Надо дождаться результатов экспертизы, – ответил ему Павел Вениаминович. – Но одно я знаю точно, да и ты думаю уже догадываешься – сама она это проверить не могла. Он обвел комнату рукой, демонстрируя разгром и картину на полу. – Если Катя мертва, то ей явно кто-то помог. Есть мысли на этот счет?

– Место работы ее проверьте. Уж больно оно у неё подозрительное.

– Это мы с удовольствием, но вот загвоздка, официально она, скорее всего, безработная. Трудовую мы нашли в квартире, и последняя запись трехлетней давности.

– Есть местечко, но она там неделю не появлялась.

– Почему? – оживляясь спросил следователь.

– Сам бы хотел узнать.

Денис замолчал на минуту, а потом поймав нетерпеливый взгляд Павла Вениаминовича продолжил, понимая, что на данный момент единственный подозреваемый в этом деле – он. А разговаривают с ним по-хорошему лишь от того, что Павел Вениаминович армейский друг его отца и Дениса знает с пеленок.

– Катя трудилась в некоей фармацевтической компании, адрес и все что по ней нарыл, скину по почте. Кем трудилась не знаю, но место странно. Я ее после работы каждую пятницу встречал, а в эту ждал, ждал да не дождался. Охранник сказал мне, что Катерина Александровна на работе последний раз была неделю назад. Всю эту неделю я с ней созванивался и списывался каждый день, но о том, что она работу бросила или отпуск взяла, не знал. Больше того, она не отменила встречу, и я как дурак притащился туда и ждал ее. Хотя утром мы говорили по телефону.

– В каком часу?

– Около десяти.

– А потом?

– Глухо.

– Тебе не показалось, что она была чем-то встревожена.

– Нет, все было как обычно, она смеялась моим шуткам, рассказывала, что у них во дворе появился новый жилец.

– Что за жилец?

– Сказала, покажет при встрече, – проговорил Денис и задумался.

– А она не могла просто забыть, что ты будешь ее ждать? – осторожно спросил следователь.

– Нет, не могла, – заверил Денис. – Я, когда понял, что её на работе нет, давай ей звонить, она трубку не берет. Я приехал сюда, она не открыла. И ведь что примечательно, дома она была. Я проверял. В квартире было темно, шторы плотно задернуты, но когда я позвонил ей на трубку, видел голубоватый свет телефона, пока она не сбросила вызов и не выключила

мобилу. Хотя... – протянул Денис и побледнел словно снег. – В квартире могла быть не она! Здесь мог быть кто-то другой, поэтому мне и не открыли!

Он принялся мереть комнату нервными шагами, лихорадочно теребя волосы и кусая губы.

– Вы соседку эту хорошо расспросили? Странная она тетка, я когда в дверь колотил она вышла, и просила меня уйти, сказала, что сегодня Катя не откроет. Я ее спрашивал почему, а но она причины открыть не пожелала, хотя утверждала, что та ей хорошо известна. Убедила меня подождать до завтра. Вот что она могла знать такого?!

Павел Вениаминович кашлянул, потом нехотя проговорил:

– Я бы за ее слова сильно не цеплялся. Соседи что под ней живут, утверждают, будто она клиент Пряжки.

– Твою мать! – Денис схватился за голову. – Вот я критян! Вчера вечером я, возможно, еще мог на что-то повлиять, а теперь...

Он опустился на пол обхватывая голову руками. Он больше не мог сдерживаться. Реальная тоска, его личная боль, а не безликакая скорбь, мучавшая Дениса с утра, молотила по сердцу, кроша его вдребезги. Он попытался стянуть с себя маску, но Павел Вениаминович предостерег его, подошёл, положил руку на плечо.

– Бойцов, я понимаю, она нравилась тебе и всё такое...

– Нравилась?! Я может предложение ей хотел сделать, – простонал Денис.

– Дружище, – позвал он, – я тебя с детства знаю, ты же всегда был как камень. Ты не размяк, даже когда отца твоего убили. Помнишь, как решил поменять профиль на журналистике, дело его продолжать, как своё собственное расследование вёл, как на убийц помог нам выйти?

– Помню, – отозвался Денис, поднимаясь, и направился к двери, – только много воды с тех пор утекло.

– погоди, – остановил его Павел Вениаминович, – присмотрись хорошенько, может, пропало что из вещей?

– Не знаю я, что тут могло пропасть. Я сюда всего пару раз заходил, и, честно говоря, мне как-то не до интерьера тогда было.

– Понимаю, и всё же, – настаивал следователь.

Денис прошёлся по комнате, стараясь не смотреть на жуткую картину. Обратил внимание на засушенный букетик, который дарил на прошлой неделе, на осколки вазы, той, что он чуть было не свернул, когда впервые оказался здесь, на её шёлковую сорочку с синими цветами. И тяжелой гирей воспоминания упали на его сердце, стало трудно дышать, а глаза заволокло влажным.

– Не представляю, что тут могло пропасть или измениться, – проговорил он, уставившись в окно, – Катерина предпочитала сама ко мне приходить, своё жилище она неохотно показывала, будто скрывала что-то. Я только сейчас начинаю понимать, что в действительности вообще ничего о ней не знал. Я видел в ней светлого розовощекого ангела, смешливого и лёгкого, а девушку, что написала эту страшную записку, я не знаю. Слог-то какой, – проговорил Денис, глядя на прощальное послание, – будто она в девятнадцатом веке жила. – Он развернулся и посмотрел на старинного отцовского друга погасшими глазами. – Всё, здесь произошедшее, не про мою Катерину – не про ту девушку, что я полюбил.

– Неужели она была настолько скрытной, что ты за три месяца узнал о ней так мало, – поразился Павел Вениаминович.

И тут у Дениса перед внутренним взором пронеслось одно воспоминание. Это было в самом начале их романа. Он не мог дозвониться до Кати. Два дня, она была то вне зоны, потом просто не брала трубку, и Денис решил всё прояснить, явившись к ней с утра пораньше.

Катерина ещё спала, как раз в этой вот сорочке, что теперь валялась на полу. Заспанная и нечёсаная она открыла двери и, не сумев противостоять его настойчивости, впустила в квар-

тиру. Денис тогда хотел было устроить ей разнос, потребовать объяснений, но вовремя опомнившись, понял, что ведёт себя как идиот. Он просто поцеловал её, а затем без лишних слов потащил в спальню, где чуть было не разбил вазу, стоявшую на прикроватном столике.

В то утро он остался у неё. Тогда то и произошел странный инцидент, о котором Денис предпочитал не вспоминать. После долгого и бурного восстановления их союза Катерина ушла на кухню, варить кофе, а своего любовника оставила в постели. Вернувшись в спальню с подносом, она застала его за пролистыванием маленького блокнотика с непонятными символами и схемами. Катя тогда жутко разозлилась. Никогда – ни до этого случая, ни после, он не видел её такой разъярённой, похожей на фурию. Она отобрала у него блокнот, и спрятала в тумбочку.

Что такого секретного было в записях, сделанных ровным, забористым почерком отличницы, Денис так и не понял, но счел Катину просьбу не совать нос в чужие дела позволительной. На тот момент, он был просто рад тому, что она не упорхнула из его жизни, что по-прежнему оставалась его Катериной. В конце концов, могут быть у человека, особенно если человек женщина, маленькие секреты?

Тогда Денис ещё не знал, что его Катерина – та Катерина, с которой он виделся пару раз на неделе, была не единственной, что существовала и другая Катя – та, которую кто-то за что-то наказал.

Была ли она преступницей или жертвой, Денис не ведал, он только знал, что всё то, что до сегодняшнего дня считал истиной, было лишь крупницей правды.

Он подошел к перевернутой прикроватной тумбе, открыл её и порылся в шкафчике. Там лежали какие-то брошюры, пара книг по народной медицине и белая атласная лента. Блокнота не было.

– Ищешь что-то конкретное, – поинтересовался Павел Вениаминович.

– Нет, – соврал Денис, – просто подумал, может, если я узнаю, что она читала перед сном, пойму её лучше.

– Ты, правда, настолько хреново её знал? – решил уточнить Павел Вениаминович еще раз.

– Оглянитесь вокруг и подумайте, что можно сказать о хозяйке этой кельи?! Ни тебе няшных плюшевых мишек, ни рамок с фотками, ни плакатов, ни горшков с фикусами. Ничего, за что мог бы зацепиться взгляд, и что поведало бы об увлечениях хозяйки. Просто крашенные стены, просто кровать с тумбой, просто платяной шкаф с однотипной одеждой, единственным украшением интерьера служила ваза, но теперь она разбита. Сама Катерина, кстати, такая же, как и её жилище – ни татуировок, ни украшений, ни вычурных нарядов, простое платье до колен, белое или синие, самые обычные балетки и всегда распущенные некрашенные волосы, лицо она тоже, кстати, никогда не красила. Вот за что тут зацепишься? Знаете, – продолжил Денис после короткой паузы, – Катерина вообще мало походила на обычных девушек. Она никогда не таскала меня по магазинам, предпочитала проводить время в парке, кормя голубей, любила кататься на лодке и играть в бадминтон, очень мало говорила сама, но зато с охотой слушала меня, и много смеялась. Её веселило буквально всё, я даже завидовал ей иногда. Но теперь мне думается, что это всё было ложью. Почти пустая, необжитая квартира, в которую она неохотно меня приглашала, ненавязчивые уходы от ответов, когда я расспрашивал её о чем-либо, нарочитая весёлость и неброский внешний вид. Я начинаю думать, что она намеренно что-то скрывала.

– Думаешь, она выдавала себя за кого-то, кем не являлась? – поинтересовался следователь.

– Я не знаю, что думать, Павел Вениаминович, – проговорил Денис, вздыхая, – я всю жизнь занимал себя тем, что много думал, и это доставляло мне радость. После смерти отца всё изменилось, и я не знаю, как кончил бы, не повстречайся мне Катя. Она разгладила все неровности моей ухабистой жизни, а теперь ушла, да ещё так...

Из спальни возлюбленной Денис вышел, не дожидаясь позволения следователя. Он чувствовал, что каждая минута, проведенная в этой усыпальнице его счастья, отнимает годы жизни.

Денис шел не видя перед собой ничего, шел на ощупь, с трудом сдерживая волну собственных чувств, вот-вот готовых прорваться наружу и затопить его в океане боли, как вдруг перед его лицом возникла уже знакомая белая морда.

Глаза собаки сегодня были другими, не такими колючими, и все же отталкивающими. Пес проводил внимательным взглядом выходявшего из парадной Дениса, но преследовать не стал. А сам парень был настолько потрясен случившемся, что реагировать на странное животное уже просто не мог. Он лишь ускорил шаг, направляясь в сторону своей машины.

Глава 4

Денис мало знал о женщине, безраздельно завладевшей его сердцем. Она пленила его своей улыбкой и немногословностью. Иногда ему казалось, что вся смешливость и непринужденность в ней напускные, что эта видимая легкость призвана скрыть какие-то беспредельные глубины, таящиеся ото всех. Но такие мысли он гнал от себя, предпочитая лелеять в сердце полюбившийся образ. И как показали события последних дней совершенно напрасно.

– Что же с тобой стряслось, Катенька? – вопрошал он мча по Малому проспекту, в сторону дома. – Жива ли ты еще? Потому что если жива, я найду тебя, я тебя найду, так и знай!

Разъедающее сердце чувство утраты, с которым Денис покинул Катино жилище, постепенно сменяло градус. Ему удалось убедить себя в том, что еще не все потеряно, что возможно Катя еще жива, и нуждается в помощи. Но разве может размякший и распутивший нюни сопляк, быть ей в эту минуту полезным? Ответ для Дениса был очевидным – нет!

Чтобы выйти из ступора, требовались решительные меры. Сидеть и ждать когда Вениаминич разберется в случившемся, он не мог. Не в его это было правилах – отсиживаться в стороне. Поэтому в этот же день он вознамерился навестить особняк у залива.

Заскочив домой за липовой ксивой, которой пользовался исключительно в экстренных случаях, он поехал на север города.

На его счастье сегодня была смена другого охранника, которого Денис еще не встречал, а значит и он его никогда не видел, поэтому лишних вопросов задавать не станет. Бодрым шагом служивого Денис подошел к маленькой будке, сунул в нее красную корочку, со своей фотографией, где значилось, что он – Александр Иванов, является младшим следователем убойного отдела и скороговоркой проговорил:

– В связи с чрезвычайным происшествием, в доме вашей сотрудницы Екатерины Александровны, вынужден произвести опрос лиц знавших ее лично.

– Что с Екатериной Александровной?! – воскликнул охранник, непроизвольно вскакивая с места и упираясь макушкой в потолок.

– Следствие не располагает точной информацией, но надеется, что вы сможете пролить немного света на эту темную историю.

– Это вряд ли, – протянул охранник, опускаясь на свой потрёпанный стул.

– И все же припомните, не замечали ли вы ничего подозрительно в ее поведении за последнее время?

– Так она последнее время-то и на работе не показывалась.

– В отпуске была или может на больничном?

– Не знаю. Я охранник, а она начальник, думаете она мне докладывала что-то? «Здравствуйте», «до свидания», вот и все что я от нее слышал.

– Ясно, – проговорил Денис, задумчиво. – Ну а вообще, что вы можете о ней сказать?

– Да ничего особенного. Не разговорчивая она баба. Сменщик, правда, брехал, что ее парень какой-то каждую пятницу встречает, а так больше и сказать если честно нечего. Вы расспросите лучше ее команду, они с ней все же больше контакта имели, – и ворота открыл, приглашая Дениса в маленький ухоженный двор.

Мельком осмотревшись, парень отметил две миниатюрные клумбочки с отцветающими бархатцами и металлическую дверь на первом этаже, запертую. Камер по мимо той, что на воротах, у будки охраны висела не было. Быстро взбежав по лесенке, он вошел в здание. На первом этаже был маленький холл с шкафчиком для одежды, в нем же располагались четыре двери – уборная и три кабинетами. На одном висела табличка – Фиалкин Г. Б – директор, на втором – Земцова Е. А. – начальник лаборатории. Денис присвистнул и потянул ручку. Дверь оказалась заперта. На третьей табличке значилось – склад.

Денис открыл шкаф, прикинул на вскидку сколько человек в здании, пять-шесть не больше.

– Да, не велика конторка.

Он постоял, подумал, с кого лучше начать опрос? В обход директора, соваться к персоналу как-то не вежливо, но ежели он в чем-то замешан...

«Нет, нет, начнем с ее подчиненных», – решил Денис, уверенно направляясь на второй этаж.

Там кабинетов не оказалось вовсе. За стеклянной стенкой, располагалась нехитрая лаборатория во весь этаж. Три барышни в белых халатиках и матерчатых чепцах, суетились с колбочками, двое парней тоже в медформе, маркировали темные бутылки с БАДами яркими наклейками.

Денис постучал в стекло, прикладывая к нему раскрытую ксиву. Одна барышня повернулась на стук и дернулась, роня колбочку на пол, вслед за ней обернулись и остальные.

Высокая и худощава девушка, у которой на бейдже красовалась надпись – старший лаборант, подошла и посмотрела на развернутый документ. Что-то передала не в меру насторожившемуся парню, и тот Дениса удивил. Как вскочет, к окну кинется и прям туда, только подошвы кроссовок сверкнули.

Денис не растерялся, сбежал вниз и бросился во двор, но парня и след простыл. Он к охраннику.

– Где малой?

– Какой малой? – удивляясь спросил тот.

– Выходил сейчас кто?

– Нет, – продолжая прибывать в недоумении сообщил охранник.

– Спрятался паршивец.

Денис обежал кругом особняк. Кроме входной и железной двери под амбарным замком, который продолжал висеть, как весел, деться ему было не куда. Денис забежал внутрь, перешерстил шкаф, сунулся в маленький толчок, еще раз дернул ручку Катиного кабинета и набрав побольше воздуха в грудь, постучал к директору. Ему не ответили и он попробовал войти. Дверь была заперта. Тогда он снова поднялся наверх, и негодуя забарабанил в стеклянную перегородку. Та задрожала и перепуганные девицы попрятались за ширмы. Правда, оставшийся в лаборатории парень не растерялся, подошел и внимательно изучив ксиву, отворил дверь.

– Вам кого?

– Я и сам хотел бы это знать, – зло выплюнул Денис. – Как звать беглеца?

– Гриша, – на удивление спокойно ответил парень, – Гриша Макаров.

– Чего побегал?

– Да бог его знает. Поймайте, спросите.

Нахальный тон парнишки Денису не понравился, но он не забывал, что в любую минуту сюда могут нагрянуть реальные работники РУВД, и тогда уже ему придется сигать из окна. Он пришел расспросить о Катерине и решил, что о подозрительном парне подумает позже.

– Я собственно, по поводу Екатерины Александровны, – заговорил он проходя внутрь.

– К нам в верхней одежде нельзя! – запротестовали девушки.

– А я вот здесь в стороночке аккуратненько постаю, а вы мне пока про вашу начальницу расскажете.

– Что рассказывать-то? – лениво спросил парень.

– Каким она была сотрудином, каким человеком, в общем, все.

– Почему была? – насторожилась старшая лаборантка.

– Но ведь она пропала, – вкрадчиво начал Денис, – на работе не появлялась уже давно, дома дверь не открывала. А там между прочем такое сегодня приключилось, прям жуть! – вещал Денис, входя в роль дознавателя. – Новости не смотрели?

– Смотрели, – нехотя признался парень.

– Так вот это ее квартира была. Так что вы лучше мне сейчас расскажите, какие у вас по всему этому поводу есть соображения, а то не хочется мне повестки всем слать.

Одной из девушек, той, что первая заметила появление Дениса, сделалось не хорошо, она медленно сползла по стеночке, опадая на пол как тряпичная кукла. Ее тут же подхватили и усадив на стул принялись приводить в чувства.

– А какие у нас по этому поводу могут быть соображения? – отозвался парень, нервно глядя на размягшую сотрудницу. – Мы с ней только на работе пересекались.

– Говори за себя, – посоветовал ему Денис.

– Артем прав, – вступила в разговор – полденькая брюнеточка, подсовывающая обморочной нашатырь, – Екатерина Александровна в свою личную жизнь нас не посвящала. Дружбы с сотрудниками не заводила. Она даже на корпоративы, что Григорий Борисович устраивал, не ходила. Так что мы, если честно, в немалой растерянности прибывали, когда она на работу в понедельник не явилась. А потом еще больше удивились, когда узнали, что и директор не в курсах, где она пропадает.

– А в течении недели, что-нибудь прояснилось?

– Без понятия, Григорий Борисович с ней, наверное, все же связался, потому что после двух дней истерии, он как-то поуспокоился и велел нам работать в обычном режиме.

– Истерика была связана с пропажей начальницы?

– Ну конечно! А вы бы не волновались, если бы у вас сотрудник на работу не вышел и трубку не брал при этом?

– Пожалуй, что да, – согласился Денис, памятуя как Катерина, его тоже раз так прокатывала. – А какой она была начальницей?

– Начальница, как начальница, – ответила брюнеточка, раздраженно.

– За косяки наказывала рублем, – добавил Артем.

– За какие?

– За опоздание, за срыв сроков, за плохую уборку.

– Строгая, – констатировал Денис. – А бывало, что палку перегибала? Ну там кого-то штрафанула на крупную сумму или за совсем уж мелочь какую наказала.

– Думаете среди нас есть кто-то, кто хотел ей гадость сделать? Нет, таких не было, а если бы и были, зачем сознаваться? – ухмыльнулась старшая лаборантка.

– Резонно, – согласился Денис, поняв, что соседней пойдут опрашивать не как представитель органов, а как страдающий от неизвестности влюбленный, коим он, собственно, и являлся, – Ладно партизаны, придется мне все-таки вызывать вас в РУВД.

– Не надо в РУВД, – прошелестела обморочная, – что вы хотите знать?

– Есть ли у нее враги или просто недоброжелатели, может соперницы? Катерина Александровна – девушка видная, может кому дорогу перешла, жениха там увела или еще что?

Все разом усмехнулись.

– Не, это вряд ли, – улыбаясь проговорил Артем, – она... как бы вам сказать? Очень уж себя блюла. Мы ее даже монашкой меж собой прозвали. Ей директор полгода назад цветы таскал, так она его отчитала. Не гоже, говорит, начальству отдельных сотрудников отличать.

– И что?! – чересчур импульсивно спросил Денис.

– Ну, что-то, остался кобелина с носом, – брюнетка засмеялась. – С предыдущей-то начальницей у него таких проблем не было, а тут вот облом случился. Так он потом неделю мрачнее тучи ходил, премии нас всех лишил говнюк.

– А куда делась предыдущая начальница?

– Уволилась. Надоело, видимо, две должности совмещать, – смеясь рассказывала брюнетка.

– Что такой любвеобильный начальник?

- Угу.
- А вы посменно работаете или это весь ваш состав? – продолжал Денис свой опрос.
- Не кроме нас тут работников больше нет.
- Но сегодня же суббота.
- План выполнить не успеваем. Дешевле лишний день отработать, чем неустойку платить, – ответила старшая лаборантка.
- Строго у вас.
- С нашей монашкой не забалуешь, – согласился Артем.
- И все же вы утверждаете, что у нее нет врагов.
- Мы ничего не утверждаем, – подала голос обморочная, – просто среди нас вы их вряд ли отыщете. Екатерина Александровна хоть и строга, но справедлива, без причины никого не наказывает. А за хорошую работу даже премию выписать может.
- Ой, Маш, если она тебе пару раз к зарплате красненькую прибавила за лизоблюдство, это еще не характеризует ее как справедливого начальника, – проговорила брюнетка.
- То есть директора Екатерина Александровна за выделение отдельных сотрудников журила, а сама этим значит не гнушалась? – уцепился за явное противоречие Денис.
- Точно подмечено! – согласился Артем. – Мне допустим она премию ни разу не выписывала.
- И мне – отозвалась брюнетка.
- А беглецу?
- Мы в кошелек друг к другу не заглядываем, – зло бросил Артем.
- Угу, я заметил, – буркнул Денис, понимая, что пора заканчивать этот балаган. С каждой проведенной здесь минутой, он рисковал нарваться на реальных оперов, посланных Вениаминычем, ведь адрес этой богадельни он ему уже прислал. – Ладно, финансовые вопросы оставим, просто припомните, видели ли вы кого-то помимо сотрудников, кто нелестно отзывался о пропавшей или может интересовался ей?
- Это лаборатория, а не торговый комплекс, кто сюда кроме проверки прийти может? Денис неоднозначно пожал плечами, – ну мало ли.
- Знаете, нас действительно расспрашивать бесполезно, – вновь заговорила обморочная, – мы Екатерину Александровну знали только как начальника. Разговоры она с нами не вела, если что и скажет, то только по делу и то как-то лаконично, сухо, будто каждое ее слово на вес золота. Придет с утра, проверит все ли на месте, отдаст поручения и к себе в кабинет, бумажки заполнять. Вечером перед уходом наведается, проверит как ее указания выполнены и домой. Охранник, правда, сболтнул мне раз, что ухажёр вроде как у нее появился, но мы его не видели. Да и с трудом верить если честно.
- Это почему? – оскорбился за Катерину Денис.
- Да кому такая нужна? – вставил свои пять копеек Артем. – Ни слова ласкового, ни улыбки, ни наряда привлекательного, во что влюбляться-то?
- Говорят, она хороша собой.
- Мордашка у нее и впрямь ничего, смазливая и фигура что надо, – но выражение, с которым она на всех смотрит, перечеркивает физические достоинства.
- А как она на всех смотрит?
- Как на отбросы! Будто ей одной известны некие тайны Вселенной, которые простым смертным и не понять. – кривясь ответил Артем. – Сомневаюсь, что такая нормального мужика зацепит.

Денис спорить не стал, поняв уже, что несчастные сотрудники лаборатории жизнерадостную и светлую Катеньку, с которой был знаком он сам, в глаза не видели. Зато имеют неплохое представление о Екатерине Земцовой, неведомой Денису. Странная выходила у Катерины

характеристика, противоречивая очень уж. Словно в действительности была не одна Катя, а две.

– Вы поговорите лучше с Григорием Борисовичем, может он вам, про нее больше расскажет, – посоветовала Мария, – хотя я если честно сомневаюсь. Наша монашка еще та секретница.

Уяснив для себя основные настроения витавшие в этом террариуме, Денис откланялся и поспешил убраться. Но выйдя из особнячка, к воротам направился не сразу. Оббежал забор по периметру и обнаружил тайный ход, которым, по-видимому, и воспользовался Гриша Макаров – на редкость подозрительный тип, как, впрочем, и обморочная Маша и старшая лаборантка. Тайный ход был сделан мастерски – при беглом рассмотрении в глаза не бросался и открывался только изнутри с помощью крохотной, неприметной кнопочки.

«Да, тухлое местечко», – подумал Денис, пожалев, что не раздобыл жучков. Расслабила его работа в газете. Он все чаще стал подумывать о том, что совершенно напрасно по стопам отца пошел. Тот то был славным корреспондентом, рискован человеком, сорвиголовой, а Денис в журналистику сунулся лишь из любви к текстам. Но как показала практика он в этом деле до мастерства отца вряд ли дойдет, потому как не горел журналистикой так как он.

Последнее время Дениса прельщали переводы, которыми он по большей части и кормился, а работа в газете, это так – дань уважения отцу. Хотя какая же это дань! Это позор – одну колонку в паршивой газетке раз в неделю подзаборными историями заполнять!

Глава 5

Пока ехал на Катину работу, пока вел разговоры с ее сотрудниками, еще держался, но стоило сесть в машину и закурить, прикрыв глаза, как вновь накатили воспоминания о сегодняшнем утре. Перед глазами так и стоял пепельный образ Кати. И верно Дениса поглотила бы хандра, продолжи он ворочать в голове мельчайшие подробности увиденного в ее квартире, но позвонил Игорь Аристархович, отвлекая парня от гнетущих мыслей.

– Скажи мне честно, Бойцов, ты в конец охамел, – подозрительно тихим голосом начал главный редактор, – или работа в нашей газете стала тебе не к лицу?

На поставленные вопросы Денису отвечать не хотелось. Во-первых, они были риторическими, а во-вторых, ответы звучали бы положительно, поэтому он просто молчал, дожидаясь главного вопроса.

– Где статья, молчун? – задал его Игорь Аристархович.

– Ее нет, – просто и честно ответил Денис.

– Значит все-таки охамел, – процедил редактор.

Не вступая в спор с начальством, Денис продолжал молчать, решая в эту минуту некую нравственную задачу.

– Что за хрень с тобой твориться, Бойцов? Твою физиономию видели сегодня у генеральского дома. Мне доложили, что ты единственный журналист, которому удалось пройти внутрь и ты явно видел что-то особенное! Что ты молчишь, мать твою!

– Мать мою приплетать к этому делу резона нет, – бесстрастно ответил Денис. – А видел я действительно достаточно, чтобы не распространяться о случившемся.

– Что?!

– Я не намерен писать статью о генеральском доме, – пояснил Денис.

– То есть как не намерен?! – негодовал редактор. – Ты журналист или кисейная барышня?! У тебя работа такая – вытаскивать на поверхность все тайное, и чем оно противоречивее и пикантнее тем лучше. Так что не строй из себя девственницу в борделе и пиши давай статью, а не хочешь писать, просто изложи известные тебе фаты, Лена Шварм доделает остальную работу.

– Лена Шварм-то доделает, – усмехнулся Денис, представляя, что бы понаписала об этой истории его коллега, способная даже из походов Вины Пуха сделать остросюжетный репортаж.

– Кончай шутки шутить, Денис, – раздражался Игорь Аристархович. – Время до сдачи материала в печать всего ничего, а у меня целая колонка пустует. Либо пиши статью сам, либо передавай материалы Лене!

– Вы не внимательно меня слушали, Игорь Аристархович, я не намерен распространяться о случившемся в генеральском доме, ни от своего имени ни от имени Лены Шварм, – проговорил Денис и в голосе его звякнуло железом.

– Значит так, Бойцов, я даю тебе час на раздумья. Если по его прошествии я увижу материал по делу генеральского дома, мы забудем этот неприятный инцидент, а коли нет, будешь уволен.

– Второй вариант, – выбрал Денис меньшее из двух зол и положил трубку.

Главного редактора такой ответ естественно не удовлетворил. На телефон Дениса посыпались сообщения с крупными (для еженедельной газетки) цифрами. Но послания эти Денис оставил без внимания.

Начальник Бойцова бы убежден, что информация добытая его сотрудником настолько ценная, что конкуренты подсутившись, переманили его в свой стан. Но Игорь Аристархович не сдавался, в надежде заполучить щекотливые подробности нашумевшего происшествия, он

пообещал Денису не просто колонку, а целый разворот, потом клялся, что поднимет зарплату вдвое, в общем, не унимался, полагая, что нет такой информации, которую нельзя было бы купить у ее обладателя.

Но он ошибался, Денис не собирался продавать материалы. Во-первых, время раскрывать тайны еще не пришло, а во-вторых, писать о возлюбленной в газете было бы предательством.

Стараясь не думать о последствиях неприятного разговора с главным редактором, Денис направился в сторону Васильевского острова, размышляя, сможет ли потолковать с жильцами нашумевшего дома. Он опасался, что его признали аварийным, а квартирантов расселили по общагам. И это не было бы странно, потому что Денис собственными глазами видел, как разукрасило стены Катинной квартиры сеткой свежих трещин. Но если жильцы все же вернулись в свои квартиры, то, скорее всего, сильно уставшими и не расположенными к беседам. С другой стороны, он не может ждать, когда душевное состояние соседей придет в норму. Кати нужна помощь, а он даже не представляет, как ее оказать, и за что зацепиться, ведь за три месяца их отношений она не познакомила его ни с кем из своего окружения. Если оно у нее, конечно, было. Отзывы ее сотрудников, заставили Денис сомневаться в этом.

Но как бы ни сложилась судьба дома и его жильцов, а наведаться туда все же следовало. В час, когда на город была наброшена сизая вуаль сумерек, машина Дениса подъехала к Катинной парадной, в нее вереницей шли владельцы и съемщики пострадавших квартир.

Денис вышел из машины и придержал дверь перед женщиной с лохматым шпичем на руках.

– Скажите, – обратился он к даме, заходя за ней в парадную, – я слышал этот дом собираются расселять, его что признали аварийным?

– Признали, но нас деть некуда, поэтому мы временно останемся в своих квартирах, – ответила обладательница несчастливой жилплощади.

По тону женщины Денис сразу понял, что быть знакомым Катерины крайне невыгодно.

– Вы не скажете мне, что здесь сегодня произошло? Я приехал к тётки, она на последнем этаже живет. Но мне ни дозвониться до нее ни достучаться.

– Давно приехали?

– Да нет, час назад, – импровизировал Денис.

– На четвертом этаже? – задумчиво произнесла женщина. – Это Аграфена Стефановна что ли?

– Денис неуверенно качнул головой.

– Ну не знаю, молодой человек, – покачала она головой, поджимая губы. – Рядом с ней ведь девушка жила... М-м-м, не припомню как звать. Так вот в ее квартире и случилась вся та чертовщина, из-за которой нас теперь расселять будут. А я между прочем, в какой-нибудь Парнас ехать не хочу! Я всю жизнь в центре жила, а теперь вот с места сниматься. И все из-за девчонки этой!

– А что, собственно, произошло и почему вы считаете виновной соседку моей тётки?

– Что произошло, молодой человек, я сказать не берусь, потому что никаких разумных объяснений случившемуся у меня нет, а повторять те байки, что старухи наши придумывают, не хочется.

– И все-таки, – настаивал Денис, – как происшествие в одной квартире могло так повлиять на весь дом? Там что локальный Армагеддон случился что ли?

– Очень точно сказано! Именно что Армагеддон. Вы бы видели, как весь дом дрожал. У меня все вазы коллекционные с полок попадали, стекла в серванте лопнули и трещина по потолку в гостиной пошла. Я была уверена, что это настоящее землетрясение. Марусечка моя так бедняжка перепугалась, что и голоса подать не смогла, зажалась в угол и дрожит. Так я ее в охапку, пальто накинула, ноги в сапоги вдела и бегом вниз. Хорошо на Большой проспект не вышла, там говорят, настоящий звезда был.

– Что значит звездец?

– Татьяна Михайловна и Зоя с третьего этажа, тоже вышли на улицу и пошли окна той злосчастной квартиры проверить, они сразу поняли, что это над ними что-то происходит. Так вот, лучше бы они не ходили.

– Почему?

– Слепли. Говорят, из окон такой свет неземной хлынул, что враз их зрения и лишил. Сказки конечно, про неземной свет, но факт остается фактом – обе в больнице. А соседка тётки вашей я слышала, скончалась, выгорела дотла. Хотя пожара как токового не было. Вот и думайте, что там произошло и что с родственницей вашей, если даже до меня волна эта докатилась, а ведь я на втором этаже живу.

Денис хотел задать этой даме еще кое какие вопросы, но она уже повернулась к нему спиной, переключившись на беседу с потрясенной Марусечкой.

Он хотел обратиться к седовласому старику, что прошел мимо, неся в руке небольшой узелок, но дед казался настолько потерянным, что Денис не решился тревожить его расспросами. Затем в подъезд зашел молодой, мажористого вида парень, и Денис уже открыл было рот чтобы задать свои вопросы ему, но в этот момент раздался телефонный звонок.

Звонил Родион, а это могло означать, что он выяснил что-то стоящее и хочет поделиться эти с другом.

– Да, Родя, – проговорил Денис с надеждой, – есть что новенькое?

– Нет, дружище, ничего, – устало отозвался тот. – Я думаю, что тебе не следует сегодня оставаться одному. Где ты сейчас, давай я прикачу?

– Я на 12 линии, но у меня тут еще есть дела.

– Мучаешь Катиних соседей расспросами?

– Мучаю, – признался Денис.

– Забей, – посоветовал Родион, – я был сегодня с операми на нескольких опросах. Приеду и расскажу, что слышал, а завтра ты допросишь остальных. Идет?

– Идет, – согласился Денис, – жду у себя.

На Беринга, в небольшой, но зато собственной, отдельной квартире Дениса Родион был уже через четверть часа. С бутылкой армянского в одной руке и золотистой птичкой в промасленном бумажном пакете в другой.

– Как насчёт анестезии? – спросил он протягивая бутылку.

– Разве что по одной рюмке, – ответил Денис, – завтра опять на 12 линию, не хотелось бы дышать на людей перегаром. Это знаешь ли не располагает их к общению.

– Что верно то верно, – согласился Родион, но бутылочку все же откупорил, и рюмочки в шкафу нашел. – Я обещал поделиться тем, что сегодня слышал, – проговорил он, нацеживая по пятьдесят грамм в каждую посудинку, – но предупреждаю сразу, всё что я скажу вызовет у тебя лишь скепсис.

– Дай, угадаю, ты был свидетелем опроса достопочтенных бабуль, проживающих в генеральском доме?

– И бабуль тоже, – отозвался Родион, опрокидывая рюмку.

Денис обратил внимание, что его друг – любитель тостов, выпил без каких-либо предварительных «за».

– Ну, что ж я весь во внимании, постараюсь не ёрничать – пообещал Денис, пригубив из своей рюмки коньяка.

– Помнишь, я говорил, мне в больницу надо? Так вот это я оперев наших возил, чтобы как можно скорее свидетелей опросить, пока они, не дай бог, кони не двинули. В общем, они их послушали и взяли разрешение на осмотр жилища.

– И что свидетельницы поведали? – серьезно спорил Денис.

– Так значит, про сотрясения дома и свет в окнах ты, наверное, уже знаешь.

– Знаю.

– Значит так, на третьем этаже живет некая Татьяна Михайловна, ее квартира аккурат под Катиной находится. Так что ей досталось больше прочих. По мимо трещин на стенах и осыпавшейся штукатурки, на потолке ее спальни красуется черный силуэт женской фигуры, уж больно напоминающий тот самый рисунок, что ты сегодня уже наверняка видел. Татьяна Михайловна утверждает, будто бы не спала всю ночь, потому что слышала, как Катерина кого-то звала.

– Что всю ночь звала?

– Говорит да.

– Бред. Как можно слышать, что кто-то разговаривает в старом фонде? Да там стены с целое собрание Диккенса толщиной.

– Я ничего не выдумываю, за что купил, за то и продаю. Ну так вот, наша востроухая Татьяна Михайловна утверждает, что перед тем как дом ходуном заходил, Катерина замолчала и молчала до тех пор пока из окон свет неземной не брызнул. Старушка утверждает, что как только дом затрясло, она на улицу поспешила, вместе с ней выбежала и Зоя – квартирантка с того же третьего этажа. Вместе они пошли на улицу и толи из любопытства, то ли из чувства общественного долга, решили окна Катины проверить. Но на их беду как раз в тот момент, когда они дом обогнули и взоры свои к четвертому этажу обратили, вспышка-то и произошла. Но сначала, буквально несколькими секундами ранее из разбитых окон донесся душераздирающий женский вопль. Слышали его обе: и старушка и женщина.

– То есть в квартире все-таки кто-то был, а потом пропал?

– Или сгорел, – чуть слышно предположил Родион, – наливая еще по одной.

– Получается, когда дом трясся, из него почти все повыбежали, – начал размышлять Денис, игнорируя предположения друга, о том, что пепел находящийся в квартире, действительно может принадлежать Кате. – А это означает, что кто-то мог видеть устроителя.

– Кого?

– Ну того, кто весь этот балаган с портретом и разгромом учинил, – пояснил Денис.

– Послушай, – вкрадчиво начал Родион, – тут как бы неувязочка получается. Давай по порядку, мог этот рисунок быть сделан перед тряской?

– Не-ет, – замирая, протянул Денис, поняв куда клонит друг. – Не мог, его просто разметало бы по комнате.

– Верно. Получается, что у преступника был один единственный шанс нарисовать Катю. После того, как погасла вспышка.

– Причем он в этот момент должен был находиться не в самой квартире, а где-то рядом, иначе ослеп бы как наши свидетельницы.

– Да, – выдохнул Родион и залпом осушил рюмку.

Денис последовал его примеру и задумался.

– Что же это получается, некто устроил адский переполох в квартире Кати, а потом принялся во всем этом бедламе рисовать?

– Да и не забывай, что там повсюду какой-то серебристый порошок кружил. Сколько нужно времени чтобы нарисовать фигуру человека, причем настолько похоже?

– Не представляю, при должной сноровке, возможно час, два, может больше. Я же не художник откуда мне знать?

– Ну, то есть ты со мною согласишься, что за десять-двадцать минут это сделать не возможно?

– Хочешь сказать, что спустя десять минут некто из смелых жильцов сунулся туда?

– Соседка с четвертого этажа, та самая полоумная. После вспышки вышла на площадку и стояла под дверью, пока не приехали МЧСники.

– Мало вероятно конечно, но, судя по всему, это очень хороший художник, раз он успел сделать рисунок так быстро.

– Очень сомневаюсь. Ты же видел эту работу. Ювелирно.

– Ладно, – не унимался Денис, – значит он вылез в окно.

– И его никто не увидел?

– А вы прям всех жильцов Большого опросили. Тут домов тьма, кто-то мог и заметить.

– В пять утра, – не веря в такую возможность, спросил Родион.

– В пять утра, —с нажимом повторил Денис.

– Да послушай же ты меня, через двадцать минут после вспышки, квартира уже была взломана. МЧС не обнаружил ни одной живой души. Еще через пять минут там курсировали пожарные и ППСники. Он не мог уйти незамеченным.

– Значит он ушел раньше.

– Ага и дверь за собой закрыл. Кстати, это мог быть не он, а она.

– Может и она, а может и сама Катерина инсценировала свою смерть я не знаю. Но намерен разобраться.

– Тебе будет это очень непросто сделать, потому что ты закрываешь глаза на очевидные вещи, а все потому... – Родион не договорил, вместо этого он налил себе и другу еще рюмку и снова выпил залпом не закусывая.

– Потому что не хочу видеть очевидного, – договорил Денис за друга и выпил вместе с ним.

– Да, Диня, да! – с чувством воскликнул Родик. – Сам подумай, ну кому надо городить такую сложную постановку, чтобы убить или похитить человека? Сделать за кратчайший срок невозможное, слинять с места преступления и остаться никем не замеченным, не оставив следов. Хотя это было бы затруднительно, там же все равно что снегом дорожки припорошило – все в этой серебрянке! Трассологический анализ, кстати, показал, что кроме следов хозяйки других не обнаружено. Я справлялся. И если честно, я не упрекаю ни Татьяну Михайловну, ни Зою в том, что они здесь происки нечистого углядели. Я и сам скоро в Дьявола поверю с такими раскладами.

– Не при ерунды! – разозлился-таки Денис, хотя и обещал слушать не предвзято. – Ну какие происки нечистого. Катя работала в фармацевтической компании, наверняка вокруг нее ошивались химики-недоучки всякие. Может она директору дорогу перешла, компромат какой на него нашла. Не спроста же она на работу ходить перестала?

– И подпольную лабораторию в своей квартире устроила, – съязвил Родик.

– И такое может быть. Я уже ни чему не удивлюсь, – вздыхая проговорил Денис.

Родион замолчал, не в силах подобрать еще аргументы. А Денис смотрел на него и думал, как это его не сильно смысленный друг так все ладненько в своей голове выстроил? Не иначе как с Вениаминычем потолковал перед тем к нему идти. И от чего это следовательно при разговоре с Денисом всех этих деталей не поведал? Наверное, от того, что Денис не больно-то и расспрашивал, потому как пребывал в полной прострации и ни одного толкового вопроса родить в своей одуревшей голове не смог. Зато теперь картина стала более полной, но от этого мене понятной. Родион, безусловно, был прав, за десять и даже двадцать минут такой портрет не сварганишь.

Неужели Катя, и правда, устроила у себя лабораторию и имела дела с какими-то сверхмощными реактивами, которые способны спалить человека в считанные минуты? Да нет, глупости, стори она за живо, почернел бы не только пол. Она носилась бы по квартире и поджигала все вокруг, а в спальне нет следов пожара. Но как же тогда быть с женским криком, что соседки услышали? Ладно бы еще одна бабуля, показала, что кричал кто-то, но ведь и Зоя – не старая, судя по всему, женщина слышала то же самое. Бред какой-то.

Не увязывалось ровным счетом ничего, особенно если взять во внимание записку, которую Родион, похоже, не видел. Денис поколебался с минуту, решая, говорить впечатлительному другу о ней или не стоит? Но потом все же рискнул.

– Катя записку оставила, видел ее?

– Нет, – проговорил Родион, оживляясь.

– В ней она говорит, что оставленное послание могло всплыть только в случае ее смерти.

А еще винит во всем себя и просит не искать своих судей.

– Не понял, каких еще судей?

– Вот это-то и вопрос. Катя утверждает, что у нас нет ни прав, ни возможностей привлечь их к ответу.

– Это все меняет, значит ее реально убили, – зашептал Родион. – Твою мать! – он прикрыл ладонью рот, словно боясь чего-то.

– Не факт, – твердо заявил Денис, – письмо ее могли заставить написать. Пока я не увижу тело, или хотя бы результаты экспертизы костных останков, я буду ее искать.

Родион, сжал губы в узкую полоску, словно боялся сказать лишнее и налил еще две рюмки коньяку. Денис от последней отказался, а впечатлительный Родион приговорил остатки армянского, заснув на кухонном столе друга.

Глава 6

Утро для друзей наступило рано. В седьмом часу их разбудил оставленный в корриде телефон Родиона. Звонило начальство, срочно требовало машину. По опыту и Родик, и Денис уже знали, внеурочные звонки – вестники плохих новостей.

– Если это связано с Катей, я тебе отзвонюсь, – пообещал Родион, уходя.

Денис закрыл за ним дверь, послонялся по квартире, попробовал еще раз обдумать те факты, о которых узнал вчера. Но мысли его путались, словно свалявшиеся клубки шерсти в старом сундуке. Он посидел на кухне, покурил, бездумно таращась в окно и не заметил, как задремал.

Вздremнул Денис знатно – очнулся в полдень и очень удивился, что за все это время ему никто не звонил. Сварив кофе и наскоро умывшись, он набрал номер друга, но Родион был вне зоны. Тогда он позвонил Павлу Вениаминовичу, но и тот оказался не доступен. Рассудив, что следствие на очередном происшествии, Денис не стал мучить трубку, Родик обязательно позвонит, когда освободиться, а ему пора заниматься делами.

Выпив кофе, он надел свежую футболку и даже воспользовался одеколоном, потом подошёл к зеркалу и небрежно тронул расческой свою волнистую шевелюру, как ни крути, а с благообразными людьми откровенничают гораздо охотнее. Завершив все приготовления, он поехал на 12 линию.

Паркуясь на Большом проспекте, Денис обратил внимание, что выбитые окна заклеены полиэтиленом, да и стекло с тротуара уже убрано. Он вышел из машины и подойдя в плотную к дому, осмотрел фасад на предмет следов от ботинок, но ничего похожего не обнаружил.

Пока шел в парадную, думал, с какого этажа следует начать опрос и пришел к выводу, что со второго. На четвертом живет полоумная, а значит неплохо бы расспросить о ней, прежде чем соваться в ее логово. Жильцы третьего в больничке, первый вообще почти не пострадал, остается второй. Правда, с одной жительницей этого этажа он уже разговаривал, но определить ее квартиру будет не сложно, собачья шерсть довольно приметна.

Поднявшись на нужную высоту, Денис без труда вычислил место обитания пушистой Манюечки и, развернувшись, позвонил в противоположную дверь. Хозяином оказался мажорного вида парень, которого Денис вчера уже видел.

– О-о знакомая личность, – заявил он, обшаривая Дениса воспаленными глазами, – мент?

– Нет, – ответил Денис оценивая состояние парня, который судя по виду перебрал вчера с чем-то запрещенным.

– А кто тога? – без особого надо сказать интереса спросил хозяин квартиры.

– Парень той девушки, что на последнем этаже жила, – проговорил Денис, очень рассчитывая зацепить мажора.

Эффект превзошел все ожидания. Хозяин квартиры присвистнул, и как-то по-иному взглянул гостя.

– Ну проходи, если не шутишь, – пригласил он, пропуская незнакомца к себе.

Денис зашел.

– Чё правда парень её? – недоверчиво переспросил мажор.

– Правда.

– И давно?

– Три месяца.

– Чёт я тя не видал ни разу.

– Я сюда редко приходил мы в основном у меня встречались.

– Значит все-таки не лизбуха, – задумчиво пробурчал парень, кусая ноготь.

– А с чего ты взял, что она может быть лесбиянкой?

– Да, я подкатывал к ней ни раз, – беззастенчиво признался мажор, проходя в глубь квартиры и приглашая за собой гостя, – и не я один, кстати. Мы с парнями – друзьями моими даже поспорили раз на нее. Это года два назад было, еще до тебя, – пояснил он, ловя тяжелый взгляд Дениса. – Понравилась она мне, знаешь. Красивая деваха, только одевается как деревенщина, но шмотки не проблема, главное, что под ними, – он заговорщически подмигнул Денису.

– Но что под ними ты так и не увидел, – догадался Денис.

– Увы, – мажор состроил капризную гримасу, – ни я, ни приятели мои. А я помню прям жестко тогда запал на нее. Цветы даже таскал, как школьник, у парадной вечером караулил, да только без толу все. Но потом остыл конечно. Че баб красивых мало что ли?

– Нет, не мало, – согласился Денис, размышляя над тем, почему Катерина не отшила его, ведь прочим, судя по сплетням ее коллег и рассказам этого малого не повезло, хотя они и проявляли настойчивость, в отличие от него самого.

– А как ты ее зацепил если не секрет?

– Да сам не знаю, – честно признался Денис. – Просто подошел на улице, сказал, что такой красивой барышне не к лицу печаль, она мне очень грустной показалась. Я предложил ей пари; попросил свидание, если мне удастся ее развеселить и пообещал, выполнить любое ее желание если не удастся.

– Удалось, судя по результату, – констатировал мажор. – Хотя, скорее всего, она просто на морду лица твою клюнула.

– Не исключено. Я удовлетворил твое любопытство?

– Допустим.

– Удовлетвори и ты мое, если не сложно, – попросил Денис. – Расскажи о ней, все что знал.

– Да не знал я о ней ничего, как и все остальные соседи, я их расспрашивал, кода въехал, – кривясь признался парень. – Темная лошадка, твоя Катерина, ни друзей, ни родных, ни знакомых.

– Что совсем, совсем нечего сказать?

– Не, пацан, извиняй, – развел мажор руками. – Я бы с радостью, но она со мной последнее время даже не здоровалась!

– А с другими?

– Вроде да, – не уверенно сказал Мажор, почесав в затылке.

– Ладно, и на том спасибо, – проговорил Денис, направляясь к двери.

Выйдя из квартиры бывшего воздыхателя Катерины, Денис вспомнил, что не спросил у него про ее ближайшую соседку. Но возвращаться ему не хотелось и про Аграфену Стефановну он решил расспросить других жильцов. Но поведали они ему не много.

Аграфена Стефановна уроженка тридцатых годов прошлого столетия (тут Денис сначала не поверил, потому как входило, что она старуха, а выглядела лет на 45 не больше) была женщиной загадочной: до семидесяти пяти лет принимала у себя клиентов, гадая им на каких-то травках да потрашках. Лет десять назад с нею приключился инсульт, после которого она сделалась еще чудаковатей чем была – стала слышать какие-то голоса и даже вступать с ними в споры. Сердобольная соседка Зинаида, уставшая от ее ночных монологов, подсуетившись, организовала через племянника работавшего на пряжке пансионат для Аграфены Стефановны, и теперь та стоит на учете в ПНД.

Как быть с Аграфеной Стефановной Денис не знал, поэтому решил воспользоваться советом многоумного следователя и не принимать ее слов на веру, потому как пригрезиться этой бабули могло что угодно. Но зайти к ней все же зашел, правда, после того как пораспрашивал всех остальных.

– А это ты, – проговорила она, открывая Денису дверь. – Зря пришел, некому открывать.

– Да уж в курсе, – не скрывая злобы процедил Денис.

– Осерчал, – заметила она.

– А как не осерчать-то, Аграфена Стефановна, ведь это вы меня с панталыку сбили. Достучись я в тот вечер до Кати, не произошло бы всего этого.

– Не произошло бы вчера, так завтра бы случилось, – печально изрекла моложавая бабуля. – Она все уже решила, потому тебя и не пускала, а еще с работы ушла, чтоб не отвлекло ее ничего.

– Откуда вы про работу знаете? – насторожился Денис.

– Жили как никак стенка в стенку, – туманно ответила гадалка.

– И все-таки?

– Ну слышала я кой чего, кой чего видела... – нехотя проговорил она.

– А поподробней?

– Не пытай ты меня, касатик, – вздохнула она, – все равно не поймешь, даже если расскажу, а коли и поймешь не поверишь!

– Да я попробую, вы главное, не секретничайте.

Она с минуту подумала, внимательно вглядываясь в Дениса, потом отрицательно покачала головой.

– Но, Аграфена Стефановна, – чуть ли не умоляя простонал Денис.

– Белого видел? – неожиданно спросила она в лоб.

– Псину-то? – недоумевающая уточнил Денис.

– Кому псина, кому волк, а впрочем, не важно, главное, что видел и слышал.

– Так и вы слышали, – не понимая к чему гадалка клонит, бросил Денис.

– Я-то понятно, а вот ты... – она ткнула его крючковатым пальцем в грудь.

– Аграфена Стефановна, – устало сказал Денис, – что вы разговор переводите? Просто скажите мне, отчего по-вашему Катя мне не открыла, и я от вас отстану.

– Гостей ждала.

– Каких гостей? – оживился Денис.

– Высоких, – значительно проговорила Аграфена, поднимая к потолку указательный палец на котором сверкнул здоровенный изумруд.

– И откуда должны были прийти гости?

– Да прям оттуда вот, – совершенно серьезно заявила гадалка, продолжая тыкать в потолок.

– Понятно, – буркнул Денис, – так бы сразу и сказали.

– Смеёшься, ну, ну, —покачала она головой. – И как ты только его заметил, ума не приложу?

– Кого его? – спросил Денис, но ответа не узнал, Аграфена Стефановна закрыла дверь перед его носом.

– Вот и поговорили, – вздохнул Денис. – И все же странно, что даже соседка склонна думать, будто у Кати кто-то был в тот вечер, – размышлял он, спускаясь по лестнице вниз.

В Катином доме ему больше нечего было делать, все, кто мог высказались, и у Дениса сложился вполне четкий портрет некой девушки совершенно не похожей на ту, что завладела его сердцем. Встречающаяся с Денисом Катя – белокожая, румяная и большеглазая красавица в скромных ситцевых платяцах, никак не могла быть мрачной и нелюдимой Екатериной Земцовой, проживавшей в этом злосчастном доме. Но по странному стечению обстоятельств она была именно ею.

Открывшиеся нюансы Катиной личности, так не вяжущиеся с её образом в Денисовой голове, рождали всё новые и новые вопросы, которыми это дело обрасталало, так же как обрастает корабль прилипчивыми мидиями.

Пытаясь увязать в голове два противоречащих друг другу образа, он воскрешал в памяти все дни, проведенные с нею, но не находил и намека на подсказку. Денис даже не представлял,

что же на самом деле могло произойти в тот злосчастный день с его Катериной. Все, кого он опросил, твердили одно и то же – дом ходил ходуном, как при землетрясении, стены трещали, штукатурка сыпалась, а потом из Катиных окон хлынул свет, ослепивший тех, кто выбежал на улицу.

В большинстве своём, люди не верили в то, что Катерина стала чьей-то жертвой. В неудобствах, свалившихся на их головы, они винили саму девушку. И это было неудивительно. По скудным сведениям, что Денису удалось добыть от жильцов пострадавшего дома, Катя представляла угрюмой, нелюдимой барышней. С соседями она не общалась, если её и замечал кто, то одну, друзей она к себе не водила, а о существовании ухажёра никто, конечно, и не подозревал.

И все же к мнению опрошенных Денис не больно то и прислушивался, потому как ухажёр у Кати все-таки был (хоть и остался не замеченным), а значит и друзья и родственники возможно имелись, просто соседи их не видели.

Выйдя из опостылевшего за один день и одно утро дома, он направился расспрашивать людей, что жили через дорогу, в здании напротив и могли не смотря на ранний час заметить карабкающегося по фасаду человека.

Два с лишним часа убил он на эти похождения, но они не дали никаких результатов, жильцы дома напротив либо спали, либо ничего такого (ну кроме, вспышки конечно) не заметили.

Уставший, дьявольски проголодавшийся и почти потерявший какую-либо надежду найти реальную зацепу Денис, раздумывал, стоит ли тащиться в рядом стоящий дом или бросить это бесперспективное занятие, когда ему, наконец, позвонил Родион.

– Привет, дружище, – как-то не радостно пробурчал он.

– Привет, – насторожившись ответил Денис.

– Ты сейчас стоишь или сидишь?

– Давай без нежностей, Родь, просто говори, что там у тебя.

– В общем, – начал Родик, – я сегодня Вениаминыча возил в Волховский район на одно происшествие, – Родион говорил так медленно, что у Дениса сдавали нервы.

– Не томи! Говори быстрее что там?! – не выдержал он.

– То же самое, что и в Катиной квартире. Землетрясение, вспышка света, пепельный рисунок и пыльца мерцающая, – скороговоркой выдал Родион и замолчал.

Денис ответил не сразу, ему потребовалось время, чтобы осознать услышанное.

– Ты место преступления сам видел? – наконец, спросил он.

– Да сам.

– Расскажи, как все было, – попросил Денис, кусая губы от нервного возбуждения.

– Ну значит, приехали мы с Вениаминычем, его позвали, потому как он Катино дело ведет, – пояснил Родион, – а там так же как на 12 линии. Только на этот раз не в доме, а в лесу все случилось. Что там взорвалось не знаю, но ударная волна до избушки лесничего дошла. Ну, он шум и поднял, а когда лес стали прочесывать, нашли уже знакомую тебе живопись, прям посреди поляны. Деревья, что на расстоянии трех метров от останков росли, попереломало все.

– И кто на этот раз.

– Есть подозрения, что некий Виталий Кузьмин

– Откуда такие подозрения?

– После того как я Вениаминыча в город привез, выяснилось, что районное отделение купчаги, штурмует Мария Кузьмина утверждая будто ее сын пропал аккурат после Катиной смерти. А сегодня ей в почтовый ящик кинули письмецо странного содержания. Угадай, что там было написано, а главное, кем?

– Вот тебе и сериал. Родя, мне нужен адрес этой мадам!

– Точного адреса не знаю, спрашивай у Вениаминыча, если он, конечно, соизволит сказать.

– Ну как не знаешь-то, Родя, ты ж его возил? – разозлился Денис, догадываясь, что друг темнит.

– Я Вениаминыча довез до Турку и высадил на улице, он сам так попросил, сто пудов хотел от тебя адрес утаить, потому что знал, я разболтаю. Так вот, я его высадил, а он во двор. А там знаешь сколько домов?

– А что записка, он тоже просил не искать своих судей?

– И записки я не видел, сам понимаешь, но в курсе, что смысл тот же, что и в послании, оставленном Катей. В общем, чертовщина какая-то.

– Ты еще скажи, некая нечистая сила наказывает особо праведных.

– Или адептов какой-то секты, – предположил Родя.

– Радик, да ты мозг, только вот Катя сектанткой быть никак не могла.

– Да это Павел Вениаминович предположил, что некая секта орудует. Говорит, что вся эта галиматья на ритуальные жертвоприношения похожа. Ну, если Катя и Виталий этот реально мертвы, – быстро добавил Родик.

Про жертвоприношения Денису думать не хотелось, поэтому он спросил о другом:

– А что ещё тебе по этим делам известно?

– Да больше ничего, а за разглашение этой вот инфы меня не то что уволят, а ещё и к статье привлечь могут. Так что ты, когда свое расследование вести будешь, помни об этом, пожалуйста.

– Да ладно, друг, не парься, сам ведь сказал, Вениаминыч знает, что ты мне все разболтаешь. Раз он с утра именно тебе позвонил, значит хотел, чтобы я был в курсе случившегося. Надеется, наверное, что я ему помогу как в деле с отцом. Только вот там все просто было; прищучил батя мента-оборотня, материал компрометирующий на него нарыл, ну тот и нанял киллера, надеялся, что материал раздобытый отцом не всплывет. А я его нашел и Вениаминычу передал. Но тут, дружище, история иного толка, с мистическим антуражем.

– Ты знаешь Динь, ты вот про мистический антураж упомянул, а я ведь тебе не все рассказал, – он сделал многозначительную паузу, чуть было не доведя друга до сердечного приступа. – Девятилетняя дочь лесничего заметила недалеко от места происшествия кое что странное. Она утверждает, будто видела огромного белого волка со светящейся шерстью.

У Дениса по спине прошелся нехороший холодок.

– И что странного, волк в лесу?

– А странно, – шёпотом произнес Родион, – что волк этот уж очень необычный был. По словам девчонки он ходил вокруг поляны и выл, а как её увидел, подошёл и долго смотрел, будто сказать чего-то хотел.

– Родя, ей девять лет, она насмотрелась Игры престолов и решила, что повстречала Призрака. Или вообще все придумала, чтобы привлечь к себе внимания. То ты не знаешь какие дети фантазёры?

– Знаю, Диня, знаю, но мне если честно показалось, что она правду говорит.

– Даже если и так, что с того? – Дениса начала всерьез раздражать излишняя мнительность друга.

– Ну ка, что?! Настоящий волк, и не тронул еду, которая сама к нему явилась?

– Сытый был, – предположил Денис. – А, скорее всего, это и не волк, а большая собака. Я встречал такую.

– Где?

– На 12 линии.

– И не сказал мне?!

– А что рассказывать-то? – сердито проговорил Денис, не без стыда вспоминая жуткую историю с белым псом. Тогда она повергла его в панику, да такую, что ночью мучили кошмары с участием этого зверя. Но Денис и не подумал связать появление альбиноса с событиями в Катином доме. – Я же не знал, что эта жуткая тварь уже в Волхове. И потом мало ли белых собак.

– Огромных белых собак с краснющими глазами и светящейся шерстью, которые проявляют исключительную интеллигентность действительно пруд пруди! – распаялся Родик. – Я прям каждый день вижу!

– Ну, про светящуюся шерсть приврала твоя девчонка, тот пёс, что мне попался на вид был вполне обычный, только крупный очень.

– Всё равно это странно! – продолжал настаивать на своём Родик.

– Да ладно, не кипятись, и правда, странное совпадение. Очень может быть, что это питомец устроителя всех этих художеств и питомец весьма примечательный, а это уже зацепка. Пожалуй, знаешь что, расспросить надо местных, кто еще этого волка видел и не было ли с ним человека?

– Да я расспрашивал уже.

– И что?

– Ничего.

– То есть видела его только девочка?

– Точно так.

– Печаль, – проговорил Денис, вздыхая. – Ну, ладно, если тебе рассказать больше нечего, пойду пораскину мозгами над имеющимися зацепками.

– Ну бывай, – проговорил Родик и положил трубку.

Спрятав телефон за пазуху, Денис побрел в ближайшее кафе, чтобы хоть как-то подкрепиться. Сидя за тарелкой с пловом, он суммировал наработки дня. Во-первых, Катя, которую знал он и, Катя которую знали все прочие – это две абсолютно разные девушки. Во-вторых, ее странное и вычурное исчезновение не единственное. Между ней и загадочным Виталием явно есть связь. Надо во что бы то ни стало выйти на его семью! Ну и в-третьих, белый волк или пес, пойдя теперь разбери, явно связан с обеими делам. Опять же предстоит выяснить как именно.

И тут Денис вспомнил как Аграфена Стефановна акцентировала внимание на этом звере. Интересно, подумал Денис, отчего это гадалка так удивилась, что он его видел, вот ведь и девочка псину заметила? Надо бы разобраться, решил он и, встав из-за стола, направился обратно в Катин дом. Но на этот раз Аграфена его непустила, толи не слышала звонка, толи просто сделала вид, что ее нет дома. Так и оставшись в неведении, почему он не должен был видеть Белого, Денис побрел домой.

Целый день трудов, а так же умственных и душевных терзаний хоть и дал довольно много результатов, но зацепиться было решительно не за что. Павел Вениаминович наотрез отказывался говорить, где проживает семья погибшего в Волховском лесу парня, камуфлируя свою скрытность под следственную тайну.

Хорошо хоть, из подозреваемых его временно исключили, так как на момент свершения злодеяния в Волховском лесу, у него было алиби. Не зря он вчера с Родионом крепкую пил, не зря.

Глава 7

Утром следующего дня Денис просматривал новости, в надежде узнать еще какие-нибудь подробности о семействе погибшего Виталия, кроме тех, что сообщил ему Родик. Но ничего путного он в них не нашел. Видимо, Павел Вениаминович подстраховался, не допуская утечки лишней информации.

Несколько часов бесплодного сидения за компом раздосадовали Дениса. Он все больше горячился, поминая упертого следователя нелестными словами.

– Что же такого могла сообщить вам, товарищ следователь, мать несчастного Виталика, что вы так рьяно охраняете доступ к этой инфе? – зло шептал он, мучая клавиатуру.

Если бы Денис просидел за компом еще с часок, то вероятнее всего отыскал бы нужную информацию, потому как его более удачливые коллеги не дремали и все же узнали кое что занимательное. Но его отвлек Короткий, звонкий сигнал извещающей о новом письме на почте.

Открыв только что полученное сообщение, Денис быстро пробежал его глазами, потом изучил его еще раз, медленно и вдумчиво, но лишь после третьего прочтения до него дошел смысл написанного.

В тот же момент в его груди произошло резкое, болезненное движение, будто сжатая до этой минуты пружина распрямилась и вытолкнула на поверхность всю ту боль, что Денис упорно игнорировал с самой пятницы. Волна убийственной горечи, захлестнула его с головой. Он чуть было не захлебнулся в ее ядовитых водах, и лишь ярость, огненная ярость вспыхнувшая в его груди высушила своим неудержимым пламенем поток отчаяния. Ярость спасла Дениса от безумия, но сделала страшным. Лицо его исказилось, изрезалось глубокими, жесткими складками, а взгляд полыхал ненавистью.

Не пытаясь даже сопротивляться обуявшему его праведному гневу, он двинулся в шестидесятое отделение полиции, и вошел в его здание все с тем же перекошенным лицом. Не замечая ничего вокруг, он направился в кабинет следователя. Кто-то из дежурных попытался его притормозить, но был отправлен в нокаут, лишь одним ударом ладони в лоб. Больше Денису никто путь не преграждал.

Ворвавшись к Павлу Вениаминовичу, изучавшему бумаги, он навис над его столом с вопросом:

– Кто?

– Ты сядь, Денис, сядь, – засуетился следователь, видя, что перед ним стоит страшная машина для убийств, у которой напрочь поврежден головной компьютер.

То, что сын его сослуживца мог вырубить человека одним ударом, он не просто знал, но и видел собственными глазами. Павел Вениаминович не раз наблюдал за ним на тренировках по карате и даже звал работать в убойный отдел. Но парень отказывался, проявляя такое же рвение в работе с текстами, какое он демонстрировал на ковре.

– На-ка вот, выпей, – проговорил следователь, выживая из сейфа бутылку беленькой и протягивая Денису граненый стакан.

– Не хочу! – прогремел он, сжимая кулаки и начиная метаться по кабинету, словно тигр в летке.

В этот момент, распахнулись двери и вбежал один из оперев.

– Павел Вениаминович, там Самохина побили!

Хозяин кабинета поднял глаза на Дениса и застонал.

– Иди, Карпов, иди, я сам разберусь.

Карпов бросил быстрый, жесткий взгляд на мечущегося Дениса и вышел.

– Ну, что ты творишь? – простонал следователь, – Это же умышленное причинение вреда работнику полиции, да еще на его рабочем месте! Приди в себя Денис, приди в себя! А то я тебя приведу, – уже тише добавил он.

– В обезьянник посадите? – зло выплюнул он.

– Да хоть бы и в обезьянник, пока ты кого-нибудь не убил! Ладно, сядь, – скомандовал Павел Вениаминович, немного смягчаясь. – Самохина придется задобрить, чтобы он и не думал писать заявление на тебя. А «кто» я не знаю. Интересный тоже такой, два дня с момента убийства прошло, я что тебе Шерлок Холмс что ли?!

– Вы Павел Вениаминович – следователь с двадцатилетним стажем, – с нажимом проговорил Денис.

– Денис, – начал отцовский друг как можно мягче, – я не представляю, что там произошло, не представляю, кто и за что мог наказать твою девушку. И в этом деле вопросов больше, чем в сборнике по алгебре, но я тебе обещаю, мы во всем разберемся.

– Сами-то верите? – Денис устало уронил голову в ладони и Павлу Вениаминовичу показалось, что он плачет.

Когда парень оторвал лицо от рук и встал его глаза оказались сухими, но взгляд был страшным, мертвым, будто в тот час, когда он осознал, что его Катерина мертва в нем самом тоже что-то умерло.

– Нашлись у нее какие-то родственники? – чужим, загробным голосом спросил Денис.

Павел Вениаминович отрицательно покачал головой.

– Сообщите мне, кода можно будет забрать останки, возьму на себя организацию похорон.

– Я распоряжусь, – пообещал отцовский друг.

Денис чуть заметно поклонился и направился к дери, затем резким движением снял с шеи массивную золотую цепь, и положил ее на стол следователя.

– Передайте Самохину и скажите, что я сожалею о случившемся.

Дверь за Денисом закрылась на удивление тихо, в холле его отчего-то тоже никто не окликнул и не попытался задержать. Он шел через пространство шестидесятого отделения будто воплощенная месть, шел тихо и беспрепятственно.

Прошла неделя со дня Катиной смерти. Денис сидел у себя на кухне и глушил стаканами водку. Рядом сжимая в руке рюмку сидел Родион. Они неспешно беседовали.

– Знаешь, Родь, я всё же хочу докопаться до правды, – проговорил Денис, вертя в руках гранитную плитку, на которой значились даты (1995—2019гг.) и имя – Земцова Екатерина Александровна. – Кем же всё-таки была Катя, той веселой девчонкой, которую я знал, или же совсем другим человеком?

– Я уже понял, дружище, что эта история не отпустит тебя, пока ты сам во всё не разберешься, – отозвался Родя, икнув.

– Как думаешь, раскопают что-нибудь ваши нюхачи?

– Шутись?! Они в полном шоке от этого дела пребывают. Секретарша начальника отдела отказывается на работу выходить, все время крестится и нечистую силу поминает. Отгулы затребовала!

– И что, дали? – горько усмехнулся Денис.

– Какой там, страх перед бесами у нас уважительной причиной не является.

– А ты, в самом деле, в бесов веришь?

– Ты же знаешь, шевеление мозгами не мой конек. Но я все же одно к другому прикинул, и вот что думаю – без мистики тут явно не обошлось.

– Какая мистика, Родя?! – простонал Денис. – Какой-нибудь химик или маньяк-креативщик всё это сотворил не иначе. Ну не станут обычные бандюганы жертву таким экзотическим способом мочить.

– Обычные не станут, – согласился Родик и почесал в затылке, уставившись в окно.

Взяв на себя устройство похорон Денис днем ходил по ритуальным конторам, оплачивал счета, выбирал урну, венки, кладбище, а с наступлением вечера, надирался как сапожник и засыпал, роняя голову на кухонный стол.

Родик поддерживал друга, как умел, а именно – напивался вместе с ним, а утром выжибал себя из болота алкогольного недомогания и тащился на работу. Вконец обнаглевшего Родю не уволили только благодаря его несравненным водительским талантам и зоркому глазу, который не раз обращал внимание криминалистов туда, куда следует. Начальство отправило его в принудительный недельный отпуск за свой счет. Так Денис оказался под чутким и постоянным надзором лучшего друга.

Хлипкое суденышко Дининой жизни, выпущенное барахтаться по волнам, последнее время норовило перевернуться. Он словно бы плыл против течения, а борта его лодки облепляли надоедливые моллюски, создавая ещё большее сопротивление. Моллюсками он называл всех: работников ритуальных бюро, Игоря Аристарховича, который не сумев найти ему замену, стал звать обратно в газету, Карпова называющего Денису и требующего прийти в участок чтобы лично извиниться перед изувеченным Самохиным, что ходил теперь с двумя финалами напоминающими очки.

Погрязнув в пучине всех этих удручающих ритуальных мероприятий и не имея уже возможности самоотстраниться, Денис испытал неведомые ему доселе материальные трудности. Переводов он не делал, курсовые за студентов (как прежде) не писал, единственным источником доходов осталась жалкая газетенка, приносившая скромные гроши (он все же накатал в нее невнятную статью про странное происшествие, правда, не на 12 линии, а в Волховском лесу). Эти деньги Денис тратил на сигареты, кофе и выпивку, как быть со всем прочим, он не знал.

– Отвлекись хоть ненадолго, – умолял его Родик, забывая холодильник друга пельменями, – возьми халтурку.

– Да, да, – соглашался Денис и брал небольшую работу, только для того, чтобы отдать долг другу.

Но Родя денег не брал, а если и брал, то только для того, чтобы пропить их с Денисом же.

Родя был настоящий друг: и плечо подставит, и на помощь придёт, и ничего за это не попросит, бесхитростный, душа нараспашку – прямая противоположность Дениса.

Они дружили с детства, Родя его сам в товарищи выбрал, ходил за уверенным, бойким пацаном, который прогуливал занятия, вечно был увлечён всем и сразу и при этом с легкостью получал хорошие отметки, вообще не прилагая к этому никаких усилий. Дениса эта собачья преданность, в конце концов, покорила, и они с Родей стали походить на два рукава одного пальто – даже на расстоянии всегда помнили друг о друге, всегда были вместе.

Из них двоих Родик нуждался в Денисе больше. Диня был для него замочной скважиной, сквозь которую Родик подсматривал за содержательной жизнью мыслящего общества, сам при этом в ней не участвуя. И вот настал момент, когда Родион Маслов – недалекий водила, с трудом освоивший шахматы, чтобы хоть изредка вращаться в интеллектуальной орбите лучшего друга, стал для Дениса спасательным кругом. Он не давал ему сойти с ума в жалких потугах сдвинуться с мертвой точки в расследовании, которое Денис пытался вести несмотря на изрядно пошатнувшееся душевное равновесие.

Глава 8

Настал день похорон. Денису выдали урну, с останками его возлюбленной, и он собрался на кладбище. Момент представлялся ему исключительно личным, поэтому он отправился туда один. После длительного запоя Денис неважно ощущал себя за рулем, ему вообще стало казаться, что некогда крепкая его связь с автомобилем распалась, что он больше не чувствует свой старенький Golf как продолжение самого себя, а разматывающаяся лента дороги не действует на него как прежде – успокаивающе.

Все менялось в лоскутном одеяле Дениного бытия, будто кто-то взял, да и подменил пестрые ромбики и квадраты на черно-белые фрагменты. Казалось всей его жизни отныне суждено быть сумрачной и фрагментарной без понимания того, что же произошло с Катериной.

Неделя работы, не давшая никаких особенных результатов, показал, что как следователь – он ноль. Денис ехал на кладбище, чтобы просить Катю отпустить его, потому что понимал, как походит на осла, бегущего за хворостиной, подвешенной перед собственным носом. Хворостиной этой была разгадка её смерти, и он был обречен бежать за нею, не в силах настигнуть.

Тогда еще Денис не осознавал, что погибшая Катерина не может освободить его от одержимости и от того пути, что он, не ведая, избрал для себя.

Пока Денис тащился до Волковского кладбища со скоростью сорок километров в час, утреннее солнце поели сизые, наливные тучи, готовые разродиться дождем и ждущие только одного – когда он выйдет из машины.

День был будний, не праздничный, по быстро намокающим кладбищенским дорожкам сиротливо брели немногочисленные посетители. Мимо Дениса, шагающего по центральной аллее, прогрохотала телега с мусорным контейнером, обрызгав его с ног до головы. Денис и без того чувствовал себя слабеньким, словно разбавленный коньячок, а после незапланированных водных процедур и вовсе сник.

В конторке он показал документы, квитанции и получил талон с номером участка. Нужно место он нашел не сразу, но подсуетившейся работник кладбища помог ему.

Как копали яму под урну, как укладывали табличку Денис и не заметил, он витал где-то далеко от этого скорбного места. Он думал, что будет вспоминать о чем-то важном и значимом, стоя у могилы возлюбленной, но в действительности на сердце у него не было ни капли лирики. Все эти прощальные ритуалы лишь удручали, к тому же его терзало похмелье.

Заплатив низкорослому мужичонке с лопатой, Денис, наконец, остался один на один со своим горем, он положил букет белых роз на разрыхленную землю и уронив непрошенную скупую слезу, побрел прочь.

Не далеко от Катиного места, у свежей могилы с перекошенным временным крестом стояла девушка. Выходя на дорогу, Денис был вынужден пройти мимо нее, так как дальше тропинки еще не прокапали. Он посмотрел на девушку, потом мельком на табличку (что за странная причуда интересоваться именами на надгробиях чужих тебе людей?) и от увиденного у него аж дыхание перехватило. На черном габрорадиабасте белело уже знакомое ему имя – Виталий Кузьмин.

Денис замер словно охотник напавшей на след редкого зверя, а в голове его тут же засуетились совершенно разные, в основном обнадеживающие мысли.

Но тут девушка, что стояла все это время с прикрытыми глазами и тихонечко шмыгала вздёрнутым носиком, обернулась, вздрогнула и едва слышно охнув, потеряла равновесие. Упасть она не успела, крепкая рука Дениса перехватила ее за талию. Одним рывком он поставил растерянную барышню на узкую тропку и представился:

– Денис, – он протянул ей руку, но девушка не спешила знакомиться.

В полном недоумении она разглядывала его, запрокинув маленькую гладко причесанную головку, но потом все же молвила:

– Ты считаешь это весело – знакомиться с девушками на кладбище?

Ее голубые глаза отливали холодом, а капризный изгиб маленького рта ещё больше искривился в пренебрежительной полуулыбке. Только тогда Денис осознал, что сам он улыбается во весь рот, причем совершенно искренне. Но разве могла эта разбитая горем девчушка, что смотрела Дениса снизу вверх, знать, кем предстала в его глазах. А он между тем уже окрестил ее лучом, что прольет хоть немного света на тайны ревностно оберегаемые Павлом Вениаминовичем.

– Извини, если оскорбил твои чувства, – как можно галантнее начал Денис, не собираясь упускать случая выведать у этой барышни все, что она могла знать о смерти несчастного Виталия. – просто я увидел табличку и... – он сделал неопределенный жест рукой, пытаясь подобрать нужные слова. – Если этот человек был близок тебе, то мы в каком-то смысле друзья по несчастью.

– Никакие мы не друзья, – продолжая кривить рот, возразила девушка.

– Ну да, пока не друзья, – согласился Денис, чуть заметно улыбаясь, – но могли бы ими стать. Я сегодня хоронил дорогого мне человека, точнее то, что от неё осталось, – с грустью пояснил Денис. – Она погибла так же как этот парень, – он указал на каменную плиту.

– Катя была тебе близким человеком? – удивилась девушка, широко раскрыв глаза.

– Д-да, – запнулся Денис, нутром почуяв, что судьба свела его с этой девчушкой неспроста, она явно что-то знала о Кате, и что-то такое, что Дениса может удивить. – Ты была с нею знакома?

Девушка прикусила нежную губу и пристально посмотрела на Дениса. Он понял, что если не расположит её к себе, шанс будет упущен и возможно навсегда. Еще с юности Денис уяснил, не бравость и самоуверенность располагает людей, а чувство превосходства над собеседником, поэтому он как можно смущеннее улыбнулся и заерзав взглядом по своим ботинкам тихо, тихо проговорил:

– Я не жду, что ты захочешь иметь со мной дело, просто мне показалось, общее горе может объединять людей. Я был один на один со своей утратой и тут встретил тебя... Впрочем, это все не важно, прости, что побеспокоил. – Он кинул на нее виноватый взгляд, еще раз смущенно улыбнулся и развернулся чтобы уйти.

– Меня Светой зовут, – донеслось у него из-за спины. – И я знала Катю.

– Правда? – радостно воскликнул Денис, оборачиваясь

– Я не была ей другом, да и к знакомым меня можно причислить с натяжкой, – поспешила уточнить Света. – Мы виделись всего дважды, когда я приходила забирать своего брата, – она ткнула тонким пальчиком в свежую могилу, – из их двинутой секты.

– Какой ещё секты? – изумился Денис, решив, что девушка наверняка что-то напутала.

Не могла Катя быть сектанткой! Что-что, но только не это!

Но если верить тому, что поведала Света, не просто могла, но и состояла в некой группе, которая сама себя сектой, конечно, не считала, и даже никакого названия не имела, но влияние на впечатлительных особ оказывала колоссальное.

Катерина там была на хорошем счету, адепты и сам куратор её уважали, за особую приверженность к общей идеи и склонность к благотворительности. Квартиру свою на Ваське, которую она купила на собственноручно заработанные деньги, Катя какой-то детской организации ещё задолго до гибели отписала. В детдома ездила, подарки детишкам привозила, спектакли организовывала. Даже Виталию – Светиною брата, как-то с собой брала.

В общем и целом, компашка эта на секту, и правда, походила мало, скорее на клуб по интересам. Некий Святослав Сергеевич лет десять ещё назад собрал группу единомышленников – тех, кто культурой древних цивилизаций увлекается. Он был убежден, что в 2012 году

на нашей планете начнутся глобальные изменения, и человечество, должно себя к этим преобразованиям готовить. Беда, правда, заключалась в том, что немногие осознавали масштабы грядущего события. Поэтому Святослав Сергеевич и взял на себя труд, исправить это упущение.

Поначалу его группа была не особо большой, но со временем выяснилось, что у теории Святослава довольно много сторонников. Особенно активно сообщество стало разрастаться в конце пресловутого 12 года, а к сегодняшнему дню их насчитывалось чуть ли ни с полтысячи человек. И все-то у них там было чинно и благолепно, но в последнее время начался суицидальный кошмар.

Что именно началось в группе Святослава, Денис узнать не смог, потому как Света разрыдалась, прервав свой рассказ. Беднягу аж залихорадило, и Денис, поспешил увести растроганную девушку с кладбища. Пока они шли по аллее, он участливо поглаживал ее по худенькому плечу и Света постепенно приходила в себя. Когда же приблизились к воротам, девушка почти успокоилась, и Денис задал мучавший его вопрос:

– Свет, а ты что одна брата хоронила?

Девушка кивнула, с трудом сдерживая новый приступ, а потом все же добавила:

– Мама в больнице, с сердцем плохо и когда поправится не известно, так что мы решили не ждать.

– А отец?

– Ушел, когда мама мной забеременела.

Денис многозначительно вздохнул, ни то что бы из жалости, просто надо же было как-то прокомментировать подлость родителя. К тому же расставаться со Светой он не спешил, она еще не рассказала ему самого главного.

– Ты на автобусе ехала? – спросил он, обратив внимание на забрызганные Светины джинсы.

– Ага, – вздохнула она.

– Я на машине, могу подвезти, – предложил Денис.

Света внимательно осмотрела его поджарую, высокую фигуру с уверенно расправленными широкими плечами, явно взвешивая риски, но трястись в общественном транспорте, ей, видимо, хотелось гораздо меньше, чем садиться в машину к незнакомцу. Утерев рукавом слезы и всё, сопутствующее рыданиям, она села в припаркованный у оградки Golf.

– Куда изволите? – для проформы спросил Денис, прекрасно зная, что путь ему предстоит не близкий.

– На Турку.

Он только присвистнул, делая вид, что не знает где обитает семья Кузьминых.

– Скажи, ты про моего брата из новостей узнал, да? – девушка спрятала лицо в ладонях, борясь с очередным приступом рыдания.

Денис достал из бардачка бумажные салфетки и протянул их Свете.

– Я пытался вести свое расследование Катиной гибели, – проговорил он, усмехнувшись собственной несостоятельности, – и смог разузнать, что был ещё один схожий случай, но подробности мне не известны.

– Один?! – взвизгнула Света. – А четыре не хочешь?

– Так много? – удивился Денис, лихорадочно соображая, когда могли произойти другие происшествия, и почему он о них ничего не знает.

– Да, – подтвердила Света, трубя в салфетку. – Первыми были близнецы, Сима и Соня. Они никогда не расставались, вообще всё вместе делали, а однажды Сима пришел на собрание без Сони. Виталя рассказывал, что он тогда сам не свой был, всё твердил, что пойдет по стопам сестры. И, видимо, пошел-таки, потому что никто его больше не видел.

– А что эти собрания из себя представляют? – зацепился Денис за важное, вспоминая гипотезу Павла Вениаминовича, которая выросла не на пустом, как он теперь понимал месте.

– Они встречаются примерно раз в неделю. Снимают помещение в школе или ещё где, набиваются туда человек по сто, за раз редко приходит больше, и давай триндеть о всяких глупостях.

– Ты бывала на этих собраниях?

– Нет, конечно! – оскорбилась Света, – Я Виталию пару раз забирала, он астматиком был, вот я и приезжала за ним, когда у него приступы прямо на собраниях случались. Мать с ним пыталась говорить, умоляла не ходить на заседания эти дурацкие, но какое там! Он всё твердил, что мы серая масса, плывущая по течению сточной канавы и не желающая выбраться на просторы океана жизни. Он хоть и старше меня был, а всё равно что дитя – любой его задурочить мог. Всё светлое, доброе, вечное искал, нас в прожигании жизни обвинял. А мы с матерью, между прочим, его на своих спинах тянули. Мама – вот вообще на двух работах горбатилась, чтобы у нас всё было, а он только программки свои компьютерные писал, за которые никто платить не хотел, да Святослава этого слушал.

– А почему ты так уверена, что Сима с Соней тоже погибли?

– Я не то чтобы уверена, просто другого варианта вроде как нет. Виталя сболтнул, что за пару недель до Сониной пропажи, они с братом рассказывали, будто бы снизошли до нашей Земли грешной их древние Боги или ещё кто, не поняла, если честно. И будто бы этих Богов призвать можно, но ритуал опасный. А потом Сони возьми, да и не стань. Уясняешь?

– Вполне. Но почему об их смерти ничего неизвестно? Если они погибли так же, как Катя и твой брат, то это не могло остаться незамеченным.

– Видимо, они отъехали подальше Волхова. Соня с Симой были сиротами, как и твоя Катя, кстати, а все их друзья в секте этой. Станут они про такие дела во всеуслышание кричать, как думаешь?

– Вряд ли, – согласился Денис.

– Катя твоя, наверное, прознала про ритуал, а может, они там все поголовно этих духов уже призывают, не знаю я. Да только она не учла, что, помимо её смерти, ритуал ещё и чудовищные разрушения обеспечит. Зато братик мой учёл, потому и уехал в лес, дурень! – и Света снова залилась слезами.

На этот раз Денис понял, что салфетками не отделается. Заехал на первую попавшуюся заправку, взял кофе и попытался привести в чувства совершенно расстроившуюся Свету.

Сладкий, тягучий напиток подействовал не хуже живой воды – девушка стала постепенно успокаиваться.

– Свет, ты сказала, что по мимо Кати погибло еще четыре человека. Виталя, Сима и Соня – это три, а кто четвертый? – вкрадчиво поинтересовался Денис.

– Да мужик какой-то. Сегодня утром на 36 километре от города, на пустыре нашли. Всё в лучших традициях – вибрации нереальные, свет столбом стоял, ну и электричество в близлежащих коттеджах повырубило. На своей странице в фейсбуке он послание оставил: мол, во всём виноват сам, приношу извинения за причинённые неудобства, простите и не осуждайте. Тех, кто меня покарал, не ищите. Ничего себе неудобства! – возмущалась Света, – Весь город уже на ушах от этих убивцев стоит, коммуникации к чёрту летят, а им всё нипочем! И главное же, мрут как мухи, и всё равно духов этих вызывают. Идиоты!

Праведный гнев Светы Денису был понятен, но он его не разделял, потому как был абсолютно убежден в том, что никаких духов жертвы изошрённых убийств не призывали. Виножник пошатнувшегося спокойствия общественности кто-то совсем иной, и его следует найти и обличить, да как можно скорее, пока эта самая общественность не начала охоту на ведьм.

– А ты про мужика этого откуда узнала? – спросил он, для того чтобы не терять нить разговора.

– Ты новостями совсем не интересуешься, телек там, радио, ютуб? – пренебрежительно бросила Света.

– Не то чтобы не интересуюсь, просто телека у меня никогда и не было, а в машине радио не работает. Я антенну про... потерял. К тому же мне сегодня как-то не до новостей было... – поморщившись, он вспомнил как проявив нечеловеческую силу воли, поднял себя с кровати после вчерашних возлияний с Родей и поехал сюда – в последний приют для тех, кто отыграл свою пьесу.

Затем он вспомнил, как собираясь на кладбище, думал, что попросит Катю отпустить его, но так этого и не сделал. Стремление разгадать тайны, клубившиеся вокруг нее, было столь велико, что он, не задумываясь, променял желанный покой на новые зацепки в каверзном деле.

Вот и разберись, где кончается любовь и начинается азарт. Ведь не из любви же к Кате он терзает себя и эту несчастную девочку с покусанной губой. Ведь Кати уже нет, и лично ей он помочь ничем не может, а все его потуги и искания только ради того, чтобы доказать себе самому, что не мог он так сильно заблуждаться в своей любви.

Не желая утопнуть в меланхолическом киселе, вязком и стремительно затягивающем, Денис решил окончательно придушить печально-лирические настроения и отдаться дедукции.

– Скажи, Свет, а ты действительно веришь в то, что наших искателей истины некая высшая сила прибирает? – потревожил он, уставившуюся в боковое стекло девушку.

– Да откуда ж мне знать, – отозвалась Света, поворачиваясь, и Денис заметил, как она краем рукава снова утирает слезы.

– Ты извини, но мне, если честно, с трудом верится, что Катерина и все остальные её единомышленники погибли из-за духов. Я в такую чушь мистическую вообще не верю.

– А как же свет и сотрясения все эти? Опять же, записки. Они ведь все как один твердят о неких судьбах, и что, мол, к ответственности этих самых судий привлечь нет никакой возможности.

– Вот именно, что послания эти будто под копирку написанны! – загорячился Денис. – А свет и сотрясения при современных научных достижениях вообще не проблема. Чем древнее и незатейливее разводка, тем охотнее люди в неё верят! А тут как раз всё до безобразия старо и просто: возникла или возродилась некая древняя могучая сила, соприкосновения с которой жаждут адепты Святославовой секты. А погибают они от того, что это соприкосновение, судя по всему, случилось-таки. И главное, очень удобно, ведь мертвеца не спросишь, был контакт с высшим разумом или не был? Помер, значит был. Вот тебе и все дела, спросить не с кого, ну кроме духов, конечно. Но полиция вряд ли станет присылать им повестку.

Света пожалала плечами, явно не желая расставаться с уже сформировавшейся и удобно устроившейся в голове версией Виталиной смерти.

– Ладно, Свет, если хочешь, верь в духов, мне лично все равно, – сдался Денис, понимая, что зря старается зацепиться за эту девушку. Помочь в расследовании она ему вряд ли сможет, но телефон всё же надо будет спросить и держать с нею контакт, мало ли что она ещё случайно узнает. – А вы с матерью следователю про Святослава и его секту рассказывали?

– Конечно, рассказывали, – удивилась такому вопросу Света.

– И что, они к нему наведывались, разузнали чего?

– К нему попробуй, наведайся, – усмехнулась Света, – Святослав – это ж явно псевдоним, по паспорту-то его каким-нибудь Гришей или Колей звать. Где живет этот прохвост никто не знает, поэтому выйти на него лично не так-то и просто.

– Ну, хорошо, место жительства не знают, а где собрания свои проводит? Ведь это ж не шутка помещение для такой оравы найти.

– У них в этом плане все очень конфиденциальненько получается – каждый раз они встречаются на новом месте, которое им сообщают на предыдущей встрече. Снять какой-нибудь

актовый зал или там студию в ведическом центре не так сложно. Какой директор или заведующий откажется от левых заработков? А платят они, видимо, не кисло, ты только представь, если каждый хотя бы по сотне скинется.

– М-м-м да, – протянул Денис, – но ведь сто человек не иголка в стоге сена, можно же как-то вычислить, где они запланируют своё очередное собрание.

– Может, и можно, но я не знаю, как это делается. Я всего лишь секретарь, моё дело бумажки, да печати. Дедукция – это по части следователей.

– Неужели тебе не хочется разузнать, что на самом деле произошло с твоим братом? – изумился Денис, представляя, какую деятельность развернул бы, имея он всю эту информацию раньше.

Отчего же он, дурень, не нажал на Родика посильнее и не выпросил у него адрес погибшего Виталика? Наверняка же приbedнялся друг, когда говорил, что не знает, где семья погибшего живёт. Если бы он съездил к этой Свете раньше...

– Мы почти приехали, – прошелестела девушка, нарушив сгущающийся мыслеворот в Денисовой голове, – вот этот обшарпанный дом мой. Во двор можешь не заезжать, я тут выйду.

– Да ладно уж, – растянул Денис губы в широкой улыбке, – столько ехать и не довести барышню до подъезда? Не по-джентельменски как-то.

Света улыбнулась, позволив новому знакомому поухаживать за собой. А Денис был чрезвычайно рад удавшемуся манёвру, он всего-навсего хотел, как можно точнее узнать место обитания Светы, на тот случай, если она не даст ему номер своего телефона.

Девушка попросила остановить у третьей парадной длинного белого дома, одна сторона которого выходила во двор, а другая на яблоневоый сад с озерцами.

«Милое местечко», – подумалось Денису, и сразу перед глазами нарисовалась радужная картинка. Летний жаркий день, они с Катей прогуливаются по дорожкам, он приобнимает её за талию, подыскивая какую-нибудь яблоньку пораскидистой, чтобы усадить под ней свою принцессу и целовать, целовать, целовать...

– Спасибо тебе большое, – подала голос Света, выдергивая Дениса из паточного плена грёз.

– А?

– Спасибо, говорю, за то, что подвёз.

– Да не за что, – пробубнил он, возвращаясь в действительность. – Разве мог я бросить на кладбище одинокую хрупкую девушку. Ты знаешь, мне кажется, нам все же надо держать связь, ведь мы, и правда, друзья по несчастью. Вот моя визитка, – он протянул ей глянцевую карточку и ручку, – может, оставишь мне свой номер?

Света немного подумала, снова прикусывая нижнюю губу, но потом все же сжалась над красавцем, что смотрел на нее с явной мольбой, и нацарапала десять цифр на одной из салфеток.

– Ну, бывай, – проговорил Денис, открывая пассажирскую дверь.

Света выплыла, будто лебедь, и напоследок даже улыбнулась, обнажив на редкость бело-снежные зубки.

Использовать врожденное обаяние на несчастной девчонке было, по меньшей мере, нечестно, но Дениса уже щекотало возбуждение охотника, напавшего на след. Мираж той информации, которую ему могли ещё поведать Света и её мать, будоражил Дениса. Но он понимал, что наскакивать на женщину, только что потерявшую сына, вот так вот с панталыку, будет неумно. Надо сблизиться со Светой, напроситься к ней в гости и тогда уже выведать всё, что знает мамаша погибшего Витали.

Глава 9

Как только за Светой закрылась дверь парадной, Денис набрал номер друга.

– У аппарата, – раздался в трубке хрипловатый голос Роди.

– Скажи-ка, друг, – начал Денис без приветствия, – как давно ты знаешь о том, что Катя состояла в некоей секте Святослава Сергеевича?

– Динь, откуда я мог об этом знать? – попытался съехать Родик.

– Оттуда, Родя, что ты обычно знаешь немного больше, чем простой водила. Я только что подвозил домой сестру погибшего Виталика, и она поведала мне столько интересного и полезного, что в карманах не унесёшь. Не говори пожалуйста, что Павел Вениаминович не обмолвился тебе о секте Святослава ни единым словом.

– Ну так, то ж Виталий Кузьмин, а про Катю мы не в курсе.

– Родя!

– Ну ладно, ладно, – сдался Родион, – рассказала следствию сестра этого самоубийцы, что он вместе с Катей в один клуб по интересам ходил. Да только я решил об этом умолчать, потому как такая инфа тебя сильно подкосила бы. Я же знаю, как ты к сектантам относишься, а тут Катерина твоя... – мямлил Родик, оправдываясь.

– Родь, я обивал пороги Катиного дома как придурок, чтобы отыскать хоть одну живую душу, знающую её лучше меня, а ты утаил людей, обладающих такой информацией.

– Блин, Диня, я же хотел как лучше.

– Родик, я пытаюсь понять, что за девушку любил, если не хочешь помогать, то хотя бы не мешай, ладно. Павлу Вениаминовичу тоже ты присоветовал мне ничего не говорить?

В трубке раздалось натужное сопение. Не дожидаясь ответа, Денис отключился.

На друга он, конечно, зла не держал, Денис был абсолютно уверен в том, что Родик искренне хотел уберечь его от лишних потрясений. А то, что без понимания ситуации Денис чувствовал себя тупым куском мяса в застывающем холодце событий, Родиону было невдомёк. Не умел он столь глубоко смотреть в суть вещей, не понимал, что для друга любая информация, пусть и самая убийственная, была спасительнее неведения, повергающего в состояние безумия.

Теперь-то у Дениса было о чем подумать, наметился вектор, обрисовался некий, пока ещё смутный, но план действий. И, конечно, его подстегивал азарт, выводящий из заплесневелого уныния последних дней.

Правда, тот факт, что Катерина состояла в секте, действительно омрачал настроение Дениса. Родион слишком хорошо знал своего друга и совершенно верно распознал в этой биографической детали угрозу для его внутреннего равновесия.

Дениса охватило жгучее желание разузнать о своей возлюбленной буквально всё: чем жила, о чем мечтала, чего страшилась. Беда была в том, что желание это набрало нужную силу слишком поздно. Пока Катерина была рядом, Денис любил светлый, лучезарный образ, столь искусно воплощаемый ею. Он и не подозревал о масштабах лжи, он просто принимал то, что ему услужливо подносили, сервируя смехом, лаской и столь чарующей в женщине загадочностью. Кто же мог подумать, что в Катиной жизни и смерти окажутся такие тайны, от которых кровь в жилах застывает.

Но её скрытность была неслучайной. Она утаивала свою приверженность к секте не спроста. Денис сам обделил себя, лишив этого фрагмента Катиной жизни в день, когда чуть было не поссорился с нею.

Они прогуливались по Обводному каналу и наткнулись на шествующих вдоль набережной кришнаитов, расппевающих: «Харе Кришна, Харе Рама». Денис тогда нелестно отозвался о поющих, а Катя попыталась встать на их защиту. Но он снова обругал «разряженных горлопанов», и его возлюбленная замкнулась.

Удивительно, что она вообще продолжала с ним общаться, ведь понимала же – они абсолютно разные. Неужели Катерина воспринимала их роман как нечто мимолётное и незначительное? Ведь не могла же она думать, что сможет скрывать своё истинное мировоззрение вечно? А, может, она всерьёз была занята лишь духами, а всё прочее было суетой сует?

Что думала о нём Катя, и о чем шептало ей сердце в его объятиях, Денису уже не узнать. И это терзало его, потому что он все ещё любил так и не понятую им девушку, которой не стало.

Информация свалившаяся на голову Дениса, требовала скорейшего осмысления, а сердце, которому становилось тесно в межрёберной клетке, жаждало поминания и покоя. Денис заехал в копицентр и распечатал те немногие фотографии Катерины, что хранил его телефон. Потом он зашёл в магазин и на последние деньги купил коньяк, встретив у прилавка подвального магазина своего одноклассника.

Встреча эта была странной, словно бы ему из далекого прошлого прислали привет, причем курьером выбрали самого неказистого из его старинных знакомых – Гошу Шаркина, который так обрадовался случайной встрече с Денисом, что тут же подсел ему на уши, вылив с полтонны удручающих подробностей своей жизни.

Кое как отделавшись, от навязчивого одноклассника, Денис поспешил домой, где забравшись в кровать с коньяком и фотографиями, принялся перебирать их словно нечто самое драгоценное, что у него было на сегодняшний день.

Вот фото, сделанное на третьем их свидании – Катя в синем приталенном платье стоит, перевесившись через оградку Фонтанки, и кидает уткам остатки своего пирожного. Волосы её развеваются на ветру, а губы сложены в трубочку. Следующая фотография – Катя в Монрепо сидит на разрушенных ступеньках и выкладывает на земле сердечко из камушков. Опять Монрепо, какой-то случайный прохожий сфотографировал их вместе – Денис обнимает её обеими руками и целует в щёку, а Катя, смущаясь, подбирает плечи кверху и запрокидывает набок голову. А вот и его любимая фотография, о которой Катерина так и не узнала, он сделал этот снимок, когда она спала, такая обворожительная, с разметавшимися по подушке волосами и приоткрытыми губами.

Денис просидел весь остаток вечера за лицезрением их с Катей прошлого. Путешествие, совершаемое его сердцем, оказалось мучительным, но оно было необходимо – он прощался с Катей, пытался отпустить призрак возлюбленной, который уже был не в силах волочить за собой. Призрак цеплялся за его память, оживая на глянцевых карточках, махал с них рукой, посылал воздушные поцелуи, смеялся и манил, манил с такой силой, что сопротивляться было просто невозможно. Но даже в коньячном чаду Денис понимал – Кати больше нет и уже никогда не будет.

Неожиданно его потянуло на экзистенциальные размышления, до зарезу понадобилось разобраться в вопросе загробной жизни. Есть ли она, и, если есть, то, что приключается с человеком после смерти. До того ему не хотелось верить в то, что Катерина напрочь стерта с полотна этого мира, что он решил-таки признать существование души. Тем более что и ученые её, похоже, уже не отрицают, даже умудрились взвесить, не то 20, не то 21 грамм она, по их подсчётам, должна была весить. Мысль о том, что от Кати помимо пепла, осталось 20 грамм чего-то, непонятого им, давала сомнительное утешение.

Еще какое-то время разгоряченный коньяком Денис, продолжал пытаться свой мозг, путаясь в лабиринте метафизических хитросплетений. Потом плюнув, он, шатаясь, встал с постели, опрокинув уже почти пустую бутылку, и, выудив из тумбочки маркер, написал на стене то, что сумел на данный момент понять.

Всё суета сует,

И это – суета.

Ответов не было и нет,

А только маята.

Решив, более не терзать себя вопросами о материях столь неясных для его прагматичного ума, Денис отдался-таки спасительному сну.

Глава 10

Утро принесло Денису похмелье и какую-то неясную тоску. Отчего-то сделалось совестно за попытку подменить градус душевного напряжения алкогольным. Эта подмена не давала ни облегчения, ни понимания, вообще ничего не давала, лишь отбирала силы и способность аналитически мыслить.

Превозмогая головокружение, Денис выволок себя на улицу, в надежде на то, что свежий воздух хоть слегка разбавит его дурноту.

Охристо-пурпурный октябрь бодрил. Под ногами смачно шуршали навалившиеся густым слоем листья, от них шёл влажный, тоскливый запах перегноя и ещё чего-то такого особенного, осеннего. Денис жадно вдыхал эту чистоту и свежесть, пытаясь выместить остатки вчерашнего пережития. Выходило это у него вяленько, и тогда он побрел к Смоленке, той её части, что протекала между Смоленским и Военным кладбищами.

Ему хотелось движения, или хотя бы его видимости, сам он после длительного запоя становился всё более и более зыбким. Денису грезилось, будто под действием последних событий, он настолько уже истончился, что его самого, как яркие осенние листья, скоро оторвёт от основания, за которое он всегда держался, да и понесет неведомо куда. Он будто чувствовал, что происходит какое-то смещение его жизненной оси, координаты двигаются, искривляются, а всё то, что казалось плоским, начинает обретать форму, прежние же броские образы, наоборот, затуманиваются и меркнут.

Преображения пугали его, он не хотел терять той привычной, прочной почвы под ногами, той ментальной устойчивости, что удерживала его на плаву всю жизнь, но чувствовал – изменения неизбежны.

У речки оказалось прохладно, Денис спустился к воде, присел на остатки бетонной пристани и уставился на воду. Она текла, переливалась, журчала, казалось движение её абсолютно инертно и не имеет смысла. Но он был, это Денис помнил ещё из школьных уроков по природоведению. Выходило, что и в его нестройных и неумелых движениях есть смысл, только он его отчего-то не может отыскать.

Тогда Денис ещё не понимал, что прежний его угол зрения не позволял видеть и половины желаемого, и что угол этот необходимо развернуть. Но он уже начинал чувствовать, что события последних недель – это не только крах его мечтаний, но и возможность, шанс понять что-то такое, что прежде чудилось недостижимым. Он достал телефон и набрал номер следователя.

– Павел Вениаминович, здравствуйте, это Денис. Вы ничего не хотите мне рассказать?

– Здравствуй, Денис, – поприветствовал следователь сдавленным голосом, – к сожалению, мне тебя пока порадовать нечем.

– А огорчить?

– И огорчить тоже.

– Павел Вениаминович, я вчера разговаривал со Светланой Кузьминой... – проговорил Денис вкрадчиво и решил подождать, что ему на это ответит следователь.

– И?

– Вы уже вышли на этого Святослава Сергеевича? – без лишних предисловий поинтересовался Денис.

– Нет.

– А место, где будет проходить ближайшее заседание вам известно? – продолжал сыпать вопросы Денис.

– Тоже нет.

– Что же вы тогда сумели выяснить, Павел Вениаминович, ведь у вас было не так мало времени?

– На секту эту выйти не так-то просто, – начал следователь неохотно, – ни в одной из соцсетей они не засветились, те два адреса, что нам указала Света, мы проверили. На оба приходили разные люди, то есть помещение снимает не сам куратор, а его подопечные и, видимо, по очереди. Паспортные данные у них, конечно, никто не спрашивал, а по составленному фотороботу мы никого не нашли пока.

– Как можно организовать посиделки в сотню человек и остаться незамеченными? – поразился Денис.

– Первый адрес оказался детским садиком. По словам заведующей, у неё попросили арендовать помещение на вечер, то есть на то время, когда там никого уже нет. Приятный господин неопределённого возраста сказал, что приезжий, что устраивает семинар по расстановкам. Заплатил хорошие деньги, взял ключи, обещаясь вернуть в тот же день дворнику.

– И что, она вот так просто пустила на вверенную ей территорию незнакомца? – поразился Денис.

– Представь себе, да, – отчеканил Павел Вениаминович. – Второй адрес оказался вообще частной квартирой на Марата. Там хозяин сдаёт комнаты посуточно. У него есть одно помещенье в семьдесят квадратов, вот его-то и арендовали на вечер наши болтуны. Договариваться приходила немолодая женщина, которую хозяин и описать-то толком не сумел.

– Всё-то у них продумано, даже на переговоры ходят либо те, кому отказать сложно, либо такие, которых и в лицо не запомнишь.

– Вот-вот, – поддакнул Павел Вениаминович.

– Но можно же сейчас какие-то меры предпринять, ужесточить там правила сдачи помещений в наём и всё такое?

– Оно, конечно, можно, да только не все эти правила выполнять будут. И потом, я подозреваю, что они сейчас ещё осторожней чем раньше сделаются – будут такие места искать, где вообще ни с кем не надо договариваться.

– Вы имеете в виду заброшенные стройки?

– Стройки, пустыри пригородные, чердаки или подвалы, леса, на худой конец. Сейчас только октябрь, в лесочке пока ещё вполне тепло, и комары не кусают. Не можем же мы целыми днями все предполагаемые места встреч прочесывать, у нас кадров не хватит.

– А чего хватит? – с желчью выплюнул Денис.

– Ты не задирайся, мне тоже есть что тебе предъявить, – в голосе Павла Вениаминовича послышалась угроза. – Опять за старое взялся? Кто тебя просил в фармацевтическую компанию соваться?! Из-за того что ты одного из Катиных подчинённых спугнул, нам пришлось неделю потратить на ложный след.

– Я его спугнул?! – возмутился Денис. – Вы думаете он не дал бы деру, если б меня опередили ваши волкодавы?

– Скорее всего, дал бы, – не стал спорить Павел Вениаминович. – Но мои опера поймали бы его на месте, а так пришлось побегать, поискать.

– Нашли? – коротко спросил Денис, уже предвкушая зацепку.

– Нашли, – вздохнув, ответил следователь, – По фальшивому паспорту работал, вот и утек. Время только зря потрачено.

– А что остальные ее сотрудницы? Мне показалось, они что-то знают.

– Тебе показалось, так и разрабатывай эту линию, только помни, они уже в курсе, что ты не опер. А мне некогда на пустые подозрения время тратить, дело это уже ГЛАВК на контроль поставил. Шутка ли, три смерти за последние полторы недели!

– Но вы ведь не станете отрицать, что контора, в которой трудилась Катя уж больно странная. Зачем покупать старинный особняк под лабораторию, опять же за чертой города?

– Ну черта допустим не так и далеко; 10 минут на маршрутке и ты у метро Беговая. А особняк этот Фиалкин Григорий Борисович не покупал, а получил в наследство от прабабки. Фирма у него довольно скромная, денег на обустройство лаборатории в черте города не было, вот он и обосновался в родовом гнезде, так сказать, – Павел Вениаминович хмыкнул. – Не вполне законно, конечно, потому что лабораторию он должным образом так и не оформил. Но это уже совсем другая история, к нашим смертям касательство не имеющая. Если бы ты видел, какую истерику устроил этот Фиалки, когда узнал, что его несравненная Катерина Александровна больше никогда не выйдет на работу, понял бы, что там ловить нечего.

– Павел Вениаминович, вы же понимаете, что он мог...

– Мог, – перебил Дениса следователь, не желая тратить время на неперспективную версию, – но не он. Из него актер, как из меня балерина, – он тяжело вздохнул. – Рано или поздно мы выйдем на этих чародеев, а пока мне больше нечего тебе сказать, я и так разболтал лишнее. Сам понимаешь, закон о разглашении следственной информации, никто не отменял.

– Но она была моей девушкой, я имею право знать все! – возмутился Денис.

– Девушка – лицо неофициальное. Извини, Денис, служба, – и Павел Вениаминович отключился.

Денис побагровел от злости, он так и не успел задать важный вопрос – все ли погибшие состояли в секте Святослав?

– Вот жжёшь, сукин сын! – выругался он, борясь с желанием зашвырнуть телефон в воду. – Ну что ж, – заявил он сам себе, – мы пойдём другим путём.

И действительно, встал и направился на Нахимова, к однокласснику, с которым повстречался вчера в магазине.

Глава 11

Встреча с Гошей уже не казалось Денису чистой случайностью. Если позволить себе поверить в судьбу и в то, что она может помочь человеку подталкивая на перекрестках к нужному направлению, да посылая необходимых людей, то можно рискнуть и углядеть в обычной встрече одноклассников, руку помощи.

По школьным годам Денис помнил, что Гоша был парень неплохой, незлобивый и даже отзывчивый, но бедолаге не повезло с родичами – почти все они были карманниками или вышибалами. А из вчерашнего рассказа одноклассника Денис узнал, что один только старший брат умудрился, зацепившись за спортивную карьеру, вылезти из этой клоаки. Гоша одно время тоже спортом увлекался, но суровые кармические завихрения его семейства настигли парня в возрасте двадцати лет, переломав ему обе ноги. С тех пор он хромает, заваливаясь на правый бок, в основном от парадной до круглосуточного магазина, где пиво продают даже после 22.00.

Не вполне твердым, но быстрым шагом Денис шел в сторону Гошиного дома. Он надеялся застать старого знакомого на квартире, так как был ещё день, а Гоша выросшей в семье мелких жуликов, грешил одно время тем, что зарабатывал на жизнь домушничеством. Работа эта, как известно, дневного света не любит. Но на удивление Дениса, Гоши дома не оказалось. Заспанная патлатая девка, которую Денис принял за его сожительницу, сообщила, что он на работе в утреннюю смену и вернётся не раньше четырёх.

– На работе? – переспросил Денис, уже полагая, что ошибся дверью.

– Ну да, он на заводе токарем работает, уже полгода как, – пояснила сожительница, нахально разглядывая Дениса. Хотя, может это и не сожительница была?

– Ну, так я зайду позже?

– Оставь свой номер, он позвонит, как вернётся, – предложила деваха, улыбаясь и демонстрируя обильную шербагость.

– У него есть, – соврал Денис, – ну так я позже загляну?

– Как знаешь, – равнодушно ответили ему.

С одной стороны, Дениса явно радовало, что его одноклассник не пожелал утопать в сквернах своего неблагополучного семейства и пытается жить как порядочный гражданин. Но ему-то от Гоши были нужны именно его нетрадиционные навыки, его, так сказать, особые таланты домушника, о которых Денис знал благодаря своей профессии журналиста.

Несмотря на хромоногость, Гоша умудрялся пройти незамеченным там, где этого не могла сделать и крыса. А своими «волшебными палочками», как он называл отмычки, отворял любой «Эльбор» и, что удивительно, затворял обратно. Так что обокраденные граждане и не сразу замечали, что у них побывали незваные гости. Гоша брал по мелочи, в основном деньги, драгоценности или антиквариат. С крупногабаритными предметами не связывался и, если попадал на облаву, всегда умудрялся сбросить краденное.

В общем, в своих кругах считался ювелирным мастером, при этом имея весьма обычную, неприглядную внешность. Видимо, по той причине, что казенные краснокирпичные стены ни разу не стесняли его передвижений. Вот его родители там бывали не раз и, конечно, несли на себе суровую и неизгладимую печать этих мест.

Прослонявшись до половины четвёртого по насыпным территориям, где когда-то был залив, омывающий гранитный парапет, Денис поностальгировал о детстве. Повспоминал, как они с Родиком гоняли здесь когда-то на резиновой моторке, что ему подарил отец, как все мальчишки им завидовали, а Марина и Ксюша – первые красавицы в школе, просились прокатиться. Как Ксюша потом бегала за Родиком, а тот соглашался на встречи с нею только потому, что она приходила с Мариной. Как вчетвером ошивались они по Смоленскому кладбищу, раз-

глядывая покосившиеся могилы и старые склепы, не осознавая по-настоящему, что смерть придет к каждому. Девочкам эта зловеще-готическая романтика нравилась, они вообще косили под «эмо», а Денису с Родиком было всё равно, где шататься, лишь бы наматывать километры, вдыхая бодрящий воздух свободы.

Теперь-то Денис видел, как они были наивны, полагая, что убежав из дому до полуночи, обретали свободу. Но как они тогда были счастливы! Только в детстве и можно радоваться простым и незатейливым заблуждениям. Только в детстве ты ещё можешь думать, что свобода и независимость реальны.

Вслед за этими удручающими мыслями его нагнала ещё одна не менее тоскливая. Он вспомнил, что истратил вчера последние деньги на коньяк, а завалившейся мелочи не хватало даже на сигареты.

Обругав себя последними словами и повздыхав над тем, что придется наступить на горло собственному самолюбию, он побрел в булочную, где работала Валентина – молоденькая продавщица, с которой он когда-то бывал ласков.

Валентина Диничку боготворила и была рада любому проявлению внимания с его стороны. Пухлая кареглазая шатеночка вот уже полгода убеждала себя, что если не станет давить на объект своей любви, то рано или поздно он поймёт – нет ничего блаженнее тихой семейной гавани и «Пожарских» котлет. О существовании Катерины бедняжка и вовсе не знала. Денис же не объявлял ей о том, что странные их взаимоотношения кончились, потому как он-то считал, что ничего толком и не начиналось.

И вот сейчас Валентина была единственной спасительной соломинкой, за которую Денис мог ухватиться. Главное, чтобы она оказалась на работе и смогла дать то, что ему позарез было нужно. Не идти же к вору-домушнику с пустыми карманами. А если Гоша действительно завязал со старым, его ещё и умастить надо.

Денису повезло, Валечка оказалась на рабочем месте. Вальяжно разгуливала вдоль прилавка с мягкой тряпочкой и от нечего делать натирала и без того чистые витрины. Любила Валентину чистоту, чуть ли не больше самого Дениса.

– Здравствуй, Валь, – поприветствовал он девушку.

– Ой, Диня, – промурлыкала Валя, упирая щёчку в кулачок и располагая на прилавке весь свой пятый размер.

Денис даже сглотнул, припоминая сдобность мягкотелой Валентины и её незатейливые цветастые занавесочки, которые она стыдливо задерживала, когда он к ней навещался.

– Я это, Валь... – Денис замялся, потому как никогда ещё не просил денег у женщины, даже в долг. – В общем, это... у тебя не будет пары штук в долг, – проговорил он скороговоркой, – я через несколько дней отдам.

– Конечно, будет, Динечка, а у тебя случилось что? – спросила Валентина, делая сострадательные глаза.

– Ну, в общем, да, родственница тут померла, и всё такое.

Что «такое» Денис не знал и уже жалел, что решил зайти к Вале. Но сердобольная девушка побежала в подсобку, приволокла две голубенькие бумажки и стала пихать их Денису в карман.

– Спасибо, Валуш, я отдам, буквально через пару деньков, – бормотал он, целуя её в щёку.

Валуша даже ответить ничего не успела, Дениса сдуло за дверь волной стыда.

– Ну вот, докатился, – сопел он себе под нос, теребя в кармане хрустящие купюры. – Надо срочно халтуру найти, а то придется милостыню просить.

Пока Денис топтал башмаки у берегов Финского залива да бегал к Валентине, Гоша успел не только до дому добраться, но и пообедать, а теперь ковылял своей выдающейся походочкой к пресловутому магазину, что для Дениса оказалось весьма кстати.

– Привет, дружище, – хлопнул он по плечу идущего навстречу Гошу.

Парень радостно улыбнулся, поднимая на одноклассника помутневшие глаза.

«Пьёт» – подумал про себя Денис, – «и пьёт не мало».

– Клава сказала – ты сегодня уже заходил, – проговорил Гоша, подхрамывая к магазину.

– Заходил, Гош, заходил, – подтвердил Денис, растирая озябшие руки. – Может, пойдем, посидим где-нибудь, пивка в тепле выпьем. Дело у меня к тебе есть, а точнее, даже просьба. согласишься, очень меня выручишь.

Гоша был в курсе, что Денису известны некоторые не лестные подробности его биографии, ведь он пишет о криминальных новостях и по долгу службы имеет разного рода знакомства, в том числе и среди бывших Гошиных поделщиков, которые могли продать его с потрохами. Не заподозрить в просьбе одноклассника вполне определенный мотив, было бы странно. Гоша напрягся.

– Я знаешь, это... – замямлил он, – со старым-то завязал. Мамка с отчимом опять на казённых харчах, сестра слярвилась совсем, один Жека как человек живет, ну это я тебе вчера рассказывал. Я тоже ведь нормально жить хочу.

– Это ты, Гоша, молодец, я даже за тебя порадовался, когда Клава сказала, что ты на завод устроился. Но дело в том, что моя просьба не вполне криминального характера, а, скорее, наоборот. Я веду журналистское расследование.

Гоша присвистнул.

– Ты всегда был крутым, – заискивающе сообщил он.

– Да брось, – отмахнулся Денис, – ты бы тоже таким был, тебе с родней не повезло, а её, как ты знаешь, не выбирают.

Гоша только повздыхал.

– Ну что, пойдём, пропустим по стаканчику, – предложил Денис ещё раз. – Я не прошу тебя соглашаться прямо сейчас, я прошу только выслушать. Если решишься помочь, отблагодарю и век буду признателен. Если нет, значит нет, я настаивать не буду.

Помутневшие глаза Гоши забегали, словно узрели скользящие мимо надежды прошлого. Он всегда хотел сойтись с легким и победительным Денисом, но у того была своя тесная компания, и такой непутевый заморыш, как Гоша его не интересовал.

На лице его сейчас отображалась вся противоречивость бытия. Нутром ворюги он ощущал, что его склоняют к чему-то незаконному, но душа, желающая перемен, тянулась к Денису. Не хотел он даже предположить, что этот, во всех отношениях великолепный, парень может задумать нечто пакостное, и уж тем более втянуть в какую-нибудь труху другого человека.

– Соглашайся, Гош, – попросил Денис в последний раз, – У меня, знаешь, сейчас в жизни один шлак. Невеста погибла, работы толком нет, так хоть послушаю, как бывший одноклассник из дерьма умудрился вылезти, на работу человеческую устроиться.

– Да какая там работа, – ухмыльнулся Гоша, – работяги пашут за три ссаных копейки, а начальство ворует килограммами, причём даже не особенно и скрываясь. Вот походи и разберись, где она справедливость? – посетовал Гоша. – Получается, у обывателей тырить нельзя, за то посадить могут, и сажают, а у государства можно. Я те больше скажу – кто не тырит, того неудачником считают свои же, да и работяги тоже. Мол, на такой должности хлебной сидит и не воспользуется, значит, дурень. Есть у нас один праведник, Геннадич мы его зовем, зам начальника он, сам не ворует и за верхами приглядывает. Но его подсидеть хотят. Дело ясное, кому он такой нужен.

– Кругом хрень какая-то, верно, Гош? Мелкими-то когда были, экзамен по алгебре апокалипсисом казался, а отмена последнего урока лучшим подарком на двадцать третье февраля. А теперь? Гребешь эти авгиевы конюшни, а они чёта меньше не становятся.

– Чего гребёшь? – спросил малограмотный Гоша.

– Дерьмо, Гоша, дерьмо гребёшь, а оно не убывает, – вздохнул Денис. – Ну что на Гаванскую, посидим как раньше?

Гоша-то с Денисом на Гаванской лишь раз сиживал. День рождение Родика тогда было, и они с Диней уже изрядно подпитые шли по Наличной и встретили его – Гошу. Удивились, что он ещё жив-здоров, и потащили с собой, пиво пить и в шахматы резаться. Кончилось всё пашками и тиром, Родик тогда разошёлся, и чуть было дротиком бармену в глаз не запустил, когда его попросили орать «Сектор газа» потише.

– Пошли, – решился-таки Гоша, вспоминая весёлую попойку.

Пока они шли в пивную, Гоша рассказывал, как загребли его родичей за мелкое хулиганство, как опускается сестра (та самая Клава, которую Денис принял за Гошину сожительницу), несмотря на то, что он всячески старается ей помочь. Даже в колледж её пристроил, чтобы девка профессию нужную приобрела, но ей всё до фени. Один Женька у них молодец, но он от семьи отказался давно, и даже не наведывается.

– Это и не мудрено, кому такая семья нужна? Хомут на шее, а не семья, – оправдывал его Гоша.

Денис слушал, печально-бытовую историю одноклассника и диву давался, как тот умудрялся при всех своих жизненных перипетиях человеком оставаться? Ведь мог бы, как Женька, уйти, откреститься от пропащих и на съёмной квартире где-нибудь залечь, или даже бабенку какую найти. Так нет же, мыкается с ними на шестидесяти квадратах, передачи носит, в колледжи устраивает. С виду гопник гопником, а склонность к состраданию не увяла ещё.

Зато брат его – медалист, со всех сторон облизанный, но от семьи отказавшийся. Как тут разобраться, кто прав, а кто нет? И Жеку, вроде, упрекнуть не в чем, и Гошу охрененным молодцом не назовёшь.

В баре Денис перешёл сразу к делу, так как денег, одолженных у Вали, на длительные посиделки не хватило бы. Себе взял самого слабенького пива, что нашёлся за стойкой, а Гоши сразу пол литра портера нацедили.

Потихоньку потягивая золотистое варево, Денис вкратце и без мистических подробностей описал суть дела, пока Гоша методично уничтожал содержимое одной кружки за другой, смачно похрустывая сухариками.

– В общем, менты на эту секту, Гош, выйти не могут, – резюмировал Денис. – Вся надежда на нетрадиционные методы. В Катиной квартире остался её дневник, я уверен, записи, что он хранит, могут пролить свет на многое в этом деле.

– Ты хочешь, чтобы я вломился в опечатанную квартиру и похитил вещьдок?

– О существовании этого дневника знаю только я. В прошлый раз при обыске его не нашли, я сам искал. Поэтому, если мы унесем его тихонечко, никто и не поймёт, что он пропал.

– Допустим. А печать взломанную я тебе как восстановлю? С помощью магии?

– А что, есть, может, заклинание какое-то? Ну, типа «Алаха мора», – попытался отшутиться Денис.

– Разве ты не в курсе, что вне стен Хогвартца, магию использовать запрещается, – отпарировал Гоша, хмыкнув.

Глаза его странным образом посветлели, словно и не было на них мутноватой пелены времени. Словно он снова стал тем шкодливым мальчишкой, которого можно было подбить на взлом кабинета и похищение классного журнала, с целью удаления лишних двоек.

– Ещё пива? – предложил Денис, уже предвкушая весёлую ночь.

– Пожалуй, хватит, – отказался Гоша, – улепётывать от ментов на пьяных ногах дело непростое.

Что сломило решимость Гоши держаться буквы закона, Денис так и не понял. Может, его откровенность и попытка уравнять их, поведав о собственных неурядицах, или жажда спра-

ведливости? А может, просто бывших взломщиков не бывает? Денису это оказалось не так уж и важно. Ему был нужен профессионал, способный достать Катин дневник, ведь он хранил её секреты, а значит, и частичку той страшной девушки, что забрала у него счастье.

– У меня сейчас нет денег, чтобы заплатить тебе за работу, а в Катинной хате брать нечего, – извиняясь, заговорил Денис. – Но у меня есть дорогие часы, не «Rolex» конечно, но они сейчас полтинник точно стоят, – и Денис стянул с руки позолоченные часы, что ему когда-то подарил один заказчик.

Гоша сначала от платы отказывался. Говорил, что за помощь старому знакомцу денег брать стыдно. Но потом всё же соблазнился блестящей безделушкой и звонко шелкнул застежкой на своём запястье, словно подписывая этим звоном контракт.

Глава 12

Они просидели в баре до десяти, потом направились к Гоше.

– Ты выглядишь слишком примечательно, – сказал он. – В левисах и кожаных косухах на дело никто не ходит. Я тебя приодену, – пообещал он, и Денису сделалось не по себе.

Он уже представлял себя в драных засаленных трениках с вытянутыми коленками и в спортивной куртке «абибас», пока Гоша шебуршал в шкафу. Но замковых дел мастер его удивил – достал вполне себе чистенькие черные джинсы, тёмно-синюю водолазку и простую чёрную куртку, в каких ходит полгорода. В общем, надень всё это, и ты человек-невидимка. Сам Гоша тоже сменил штанцы-милитари и парку с многочисленными карманами, на такие же неприметные джинсы и тёмно-серую куртку, а в довершении образов нахлобучил им на головы по кепке.

– Ну, прям двое из ларца одинаковых с лица, – пошутил Денис, осматриваясь в зеркале.

Пока он любовался своим преображением, Гоша планомерно разбирал паркет в прихожей. Снимая дощечку за дощечкой, он открывал свой нехитрый схрон, где три года назад припрятал связку отмычек, бережно завернутых в промасленную тряпочку.

Вышли, когда город уже поглотила кобальтовая ночь, только жёлтые зеньки фонарей следили за ними. Изредка прокатывали автомобили, встречались случайные прохожие, но никто не обращал внимания на подпитую парочку, небрежно шаркающую по мостовой и старательно смотрящую под ноги. Так никем и непризнанные, они добрались до места.

– Как думаешь, – спросил Денис шёпотом, когда они уже поднимались по лестнице на последний этаж, – нас кто-нибудь из жильцов заметил?

– Если кто и увидел, так это соседи твоей Кати по этажу, – прошептал в ответ Гоша. – Обратил внимание на свет в окне? Много их там живет?

– Да тут кроме одной полоумной тётки нет никого.

– А она часто выходит?

Денис задумался.

– Честно говоря не знаю, но мне кажется, если мы шуметь не будем, то она и не выйдет. Соседи говорили, что она глуховата, но мне так не показалось, когда я с ней разговаривал.

– Знаем мы этих глуховатых, – прошуршал Гоша, подкрадываясь к соседской двери и заклеивая глазок жвачкой. – Как дорогу в библиотеку подсказать, так они раз по сто переспросят, зато всегда услышат, если соседка к чужому мужу в три часа ночи за солью соберётся, – приговаривал он, доставая крохотную масленку и смазывая петли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.